

1023

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК
ПО ВОПРОСАМ
ПРОСВЕЩЕНИЯ,
НАУКИ,
ИСКУССТВА
И ЛИТЕРАТУРЫ

№ 1
1 ФЕВРАЛЯ 1922 г.
КНВО
РАБОТНИК
ПРОСВЕЩЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
От редакции	3
I	
А. Луначарский. Смена вех интеллигентской общественности	5
А. Залкинд. Союз работников умственного труда и культуры переходного периода	10
Проф. М. Рейснер. Идеология или наука	12
II.	
Бор. Пильняк. Три брата—рассказ	16
Мих. Защенко. Испытание	21
Натан Венгров. Фельетон деревни	22
А. Л. Германия о Достоевском	28
III.	
Акад. А. Ферсман. Между жизнью и наукой	31
А. Тимирязев. Можно ли использовать внутриатомную энергию?	33
А. С. Научно-музыкальные новости	38
IV.	
А. Калашников. Народное образование и производство	41
П. С. Коган. Российская академия художествен. наук	42
И. Ф. Народное просвещение в Центральной Европе	44
И. Гроссман-Рощин. Классовая педагогика и учительство	46
Л. Сабанеев. Годы революции в музыке	51
V.	
Современных художественных	55
ть древне-русского искусства	59
VI.	
Россия	62
е	64
ка	70
VII.	
.	75

5000 экз.

фия М. С. Н. Х.

945044

Р.ф.

К. Купцов
70 V
K90
22/1x 2л.

Культура и Жизнь

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

ПО ВОПРОСАМ:

ПРОСВЕЩЕНИЯ, НАУКИ,
ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ

№ 1

1 ФЕВРАЛЬ 1922 год

~~БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
М. П. 35
03279~~

А 4 0 5 4 8

Книгоиздательство „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“

при Центральном Комитете Всероссийского
Союза Работников Просвещения и Искусств

СВОБОДНЫЙ А. Н. МИ ШУВ
ВООДУФ ЯННАСАХ РАДУ

Адрес редакции: Москва, Леонтьевский пер., д. 4. Тел. 1-27-25.

106/1-84
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Л. А. НЕКРАСОВА

ОТД. ИСКУССТВА И
ИЗЪЯЗИТЕЛЬНОИ
ПРОДУКЦИИ

РГБ

945044

ЦУНБ им. Н.А. Некрасова
Отдел хранения фондов

От редакции.

Понятие культуры обычно связывается нами с процессом общественного развития в его органические эпохи. Революция, как нарушение нормального хода этого процесса, воспринимается некритическим сознанием, как нечто, почти враждебное культуре.

Но это не так. Всякая значительная революция есть, напротив, предпосылка новой культурной эпохи — так же, как разрушительный пафос революции всегда и неизбежно предвещает ее творчески-созидательную роль. Так было всегда, так есть сейчас.

Но если по отношению к прошлому это ясно видит каждое научно-непредвзятое сознание, то не легко и не сразу дается эта ясность, когда мы переживаем революцию не в порядке ее исторического изучения, а в процессе живого, непосредственного и личного участия в ней. В остроте и напряженности гражданской войны, в хаосе хозяйственной разрухи и социального разрушения мы часто не охватываем культурно-исторического содержания революции во всем его объеме. А между тем многое уже бесспорно, как вполне оформившиеся культурные сдвиги, еще большее находится в процессе оформления. По мере нашего дальнейшего культурного роста в революции возможны большие, подчас неожиданные, культурно-творческие достижения.

Учсть культурный опыт революционной эпохи во всех его явлениях, осветить его со всех сторон и тем способствовать развитию и росту нового культурного сознания — такова основная задача настоящего издания. Сугубо настоящей становится она теперь, на грани перехода от гражданской войны и всепоглощавших военных задач к задачам мирного устройства разрушенной и опустошенной жизни.

В течение ряда лет мы жили физически оторванные от остального человеческого мира. Ныне близка возможность восстановления наших связей с общим культурным оборотом человечества. Тем самым открывается перспектива возможности изучения и использования того огромного культурного

опыта, который проделало человечество за время войны и революции, и который лишь случайно и в ничтожной части своей доходил до нас.

Но в эти годы мы жили не только оторванные от остального мира — мы жили культурно разорванные между собой. Провинция, даже близкая к центру географически, плохо знала, а подчас вовсе не знала, что делалось в центре. Больше: в Москве мы не всегда хорошо знали о том, что делается в Петрограде. Эпизодически и случайно доходили до нас сообщения о таких фактах культурной жизни, которые, несомненно, отметит будущий исследователь культурной истории нашей эпохи. Отсюда вторая задача: установить постоянный и регулярный обмен культурного опыта между центром и местами и стать для последних источником самой разнообразной информации и освещения тех фактов, идей и явлений, которые обнимаются понятием культурной жизни данной эпохи.

Итак, вопросы просвещения и культурного строительства, успехи и достижения науки и техники, художественно-значительные явления в жизни искусства и литературы — вот неполный перечень тех тем, обслуживание которых должно стать повседневной задачей нашего издания. Редакция мыслит ее успешное выполнение возможным лишь при одном, но непременном условии: при достаточно активном отношении к журналу самих работников культуры и просвещения.

А. Луначарский.

Смена вех интеллигентской общественности.

О полевении интеллигенции и о примирении ее с Советским строем говорят очень много, преувеличенно много.

Нет никакого сомнения, что интеллигенция за эти 4 года постепенно примирилась с очевидно неотвратимой бедой, какой являлась для большинства ее столь „неудобная“ революция. В целом, в массе, у интеллигенции не хватало подъема для ее правильной оценки. Этого исторического факта не могут скрыть от нас никакие последующие явления и грех интеллигентского Содома, не искупают отдельные праведники. Конечно, было бы до крайности несправедливо говорить все это об интеллигенции огулом. Прежде всего русская интеллигенция, если бы она пришла в себя, могла бы с гордостью указать на тех интеллигентов, которые отдали все свои силы коммунистической партии, а следовательно, и Великой Российской и Мировой Революции. Во-вторых, мы с благодарностью можем назвать десятки больших имен и указать на сотни, может быть на тысячи, скромных тружеников, которые сразу, или более или менее скоро, но совершенно искренно пошли на работу обороны и созидания нового социалистического отечества. Что же касается интеллигентской обывательщины, то, по моим наблюдениям, она, как была болотом, так и осталась. Было, пожалуй, несколько больше активной злобы,—теперь больше пассивной резиньяции, но также живет среди нее тысячеголовая шипучая сплетня, то же политическое и социологическое невежество, то же стремление бесконечно скулить над неудобствами жизни и подмачивать трусливым саботажем почти всякую продаваемую ею пролетарскому государству работу.

Повторяю, если тут, в этом мертвом море, есть какое нибудь движение воды влево, то разве только в смысле почти окончательного понижения в сердце интеллигента надежды на скорый конец ненавистного периода.

Другим элементом интеллигенции являются ее политически и социалистически сознательные единицы, т. е. меньшевики, эсеры, кадеты и то, что к ним примыкает. Есть ли тут какой нибудь сдвиг? Опять только разве в том смысле, что Мартовы и Черновы, а стало быть, и мелкота, за ними идущая, разуверились в скорой победе и задумались, ожидая у моря погоды, над тем, какой же тактики придерживаться им в такое постигшее их безвременье. Чем разрешатся эти думы—для нас почти совершенно безразлично, ибо псевдо-социалистическая интеллигенция лишена сейчас всякой силы и авторитета. Лучшее, что мы могли бы еще получить от нее, это, пожалуй, несколько десятков работников на второстепенных местах, в случае полного покаяния. Но повторяю, никакого настоящего полевения, т. е. действительно глубокого проникновения в смысл совершающейся и совершившейся революции мы не видим. Не считать же симптомом этого то обстоятельство, что Мартов задним умом начинает понимать, что Октябрьская революция была не авантюрой, а гигантским общественным явлением.

Молодежь. Мы имеем превосходную молодежь, выдвигаемую крестьянством и пролетариатом через военные школы, Свердловский университет, Партшколы, в качестве интеллигенции завтрашнего дня. Уже и за границей, в передовых журналах эмиграции, появились восторженные сведения об этой новой интеллигенции. На нее мы, действительно, можем вполне опираться. Эти люди революцией рожденные и революции безусловно и энтузиастически верные.

Но та интеллигентная молодежь, которая составляла студенческие кадры в прежнее время и молодежь, которая шла против этого прежнего студенчества? Как с ними обстоит дело? Я ни в коем случае не скажу, что здесь не заметно никакого полевения, но оно, по моему, произошло значительно раньше и происходило органически. Оно вовсе не представляет собою характера какого то крупного сдвига влево. В самом деле, количество коммунистов в университетах частью благодаря подниманию снизу демократических и трудовых элементов, частью благодаря процессу прояснения душ наиболее чуткой и отважной части интеллигенции—ее юности,—неуклонно росло и растет. Общее настроение студенчества, как мне кажется, из резко враждебного, контр-революционного под разными соусами—превратилось частью в пассивное, частью в деловое, которое можно формулировать приблизительно так: „хоть мы вас не любим, но работать с вами приходится, и мы попробуем“. На моих лекциях в университете, которые насквозь проникнуты марксистским мирозерцанием, бывает много студентов. Слушают внимательно, и из записок, которые подаются, видно, что большинство относится к разбираемым проблемам деловым образом, но бывают и записки, полные самой тупой обывательской злобы, вульгарно-эсеровского, вульгарно-православного типа. Есть, значит и такие слушатели, и при том в аудитории лектора-марксиста.

Словом,—некоторый молекулярный процесс. длительный и органический.

Несколько иное впечатление выношу я из вольной аудитории, т. е. от бесплатных и платных лекций, которые мне приходится читать. На такие лекции обыкновенно собирается очень много народа. Надо отдать справедливость этой аудитории,—она с огромным вниманием вслушивается в то, что ей говорят. Подаваемые записки также распадаются на большую часть делового, вдумчивого характера и на значительно меньшую часть демонстрационно-враждебного характера. При всякого рода дискуссиях выясняется, что аудитории бесплатные и платные, которые несколько отличаются друг от друга по составу (но как это ни странно, не особенно,—там и здесь люди обоего пола, всех возрастов и всех социальных положений, всегда довольно много красноармейцев, всегда есть явным образом рабочие, всегда очень много молодежи), делятся определенным образом на лагери, при чем лагерь сочувствующих коммунистам значительно превышает лагерь нейтральных и лагерь противников. Характерно также, что из всякого рода оппонентов, выступавших против меня на разные темы, по моему, наибольший успех имеют толстовцы. Характерно, что толстовцы обыкновенно выступают как революционеры духа, твердо и определенно осуждают все стороны старого порядка, официальную церковь и т. д., говорят с большой симпатией о коммунизме, но только отвергают насильственные методы революции. Вот этим-то они, очевидно, и вызывают симпатии некоторой части интеллигенции. Если бы судить по настроениям этой аудитории, которая собирается, так сказать, с улицы, но которая представляет собою, очевидно, наиболее подвижную часть интеллигенции, ту, которая готова бежать издалека в нетопленное помещение и сидеть два—два с половиной часа не шелохнувшись, чтобы чему-нибудь научиться, то можно сказать, что мы имеем какую-то базу

симпатии, или, по крайней мере, симпатизирующего внимания московской интеллигенции. При этом надо непременно принять во внимание, что значительная часть этой аудитории состоит из той новой интеллигенции, о которой я говорил выше. Однако этот процесс тоже не нов и подобную аудиторию я имел уже в ноябре 1917 года в Петрограде на первом митинге, собранном поэтом Ивневым „для объяснения между новой властью и интеллигенцией“. Еще более разителен был собранный тов. Зиновьевым митинг осенью 1918 года, когда в Таврическом дворце собралось видимо-невидимо интеллигенции (толпа заперудила весь Таврический дворец, включая Екатерининский зал, прилегающий двор и прилегающие улицы), было не менее 15 тысяч человек.

Значит ли это, что никакого нового серьезного движения налево среди интеллигенции не произошло? Нет, я вовсе не хочу это утверждать. Произошел действительно, в самом роде катастрофически внезапный, так сказать, больше революционный, чем эволюционный сдвиг в определенных кругах, в кругах некоторой части наших врагов. Самым ярким симптомом этого сдвига явился, как вы знаете, сборник „Смена вех“. Конечно, авторы „Смены вех“ более или менее длительным процессом подготовлялись к своему обращению, но самое обращение явилось как бы бурей, явилось как событие. Оно то и вызвало довольно большое движение среди эмиграции, перекинулось в Россию, дало интересный лозунг о том, что называется национал-большевизмом и, может быть, будет иметь кое какое будущее. Повторяю, что здесь очень важно сознать, что самое ядро этих наших новых союзников состоит из наших недавних врагов, открытых, активных, беспощадных. Мы узнаем из статьи Снесарева, что он с винтовкой в руках боролся против нас во время ярославского заговора. Мы знаем, что самый глубокий и интересный из веховцев—Устрялов был министром у Колчака. Мы знаем, что Бобрищев-Пушкин был одной из интеллектуальных сил врангелевщины.

Что же это за люди? Это—патриоты. Да, это активные патриоты. Это люди, которые, может быть, с несколько разной стороны, но одинаково горячо интересуются русской государственностью и судьбами культуры русского народа. Это люди общественные, это люди как нельзя более далекие от общественного болота. Это люди из более или менее правого лагеря, т. е. отнюдь не зараженные нелепыми демократическими предрассудками и никакой псевдо-социалистической требухой. Казалось бы, правый патриот, активный контр-революционер,—кто может быть дальше от какого бы то ни было союза с нами, и если он объявляет себя нашим союзником—не хитрит ли он, не продается ли он нам, как намекает Милоков? Во все нет. Все дело заключается в том, что эти люди, представляя собою в сущности одну из самых сознательных групп русской буржуазной интеллигенции, додумались, поднялись даже в эпоху своей контр-революционной работы, до настоящей широкой общественной и государственной мысли. Они потому хватили винтовки против нас, что принимали нас за губителей России, как великой державы. Надо помнить, что классы далеко не всегда защищают свои интересы в виде голого экономического интереса. Ничего подобного. Если класс мало-мальски жизненен, если у него есть что впереди, то он неизбежно одевает свои интересы в одежды того или другого идеализма. И вот эти буржуазные группы, представлявшие собою не столько наши купеческие круги, сколько известные круги интеллигенции средних слоев—также облекли свою веру в великодержавность, свой до мистики доходящий государственный патриотизм в различные психологические и философские краски.

Стало быть, мы здесь имеем дело с идейным врагом, с выразителями некоторой части России, которые имели перед собой будущее, рисовавшееся им в виде демократизации (правда, умеренной) русской самодержавной власти, строя, который сумеет утилизировать все силы народа и на почве утилизации этих массовых сил создаст необыкновенно блестящее международное положение для России. Идя по стопам славянофилов и Достоевского, эти люди не прочь пометать и о том, что эта великая Россия, нечто вроде *Russland Russland über alles*, будет вместе с тем служить человечеству, внесет в него новую струю, пойдет впереди народов к дальнейшему прогрессу. Мы узнаем эту великодержавность. Разве не имела она места в той же империалистической Германии? Русская буржуазия всех видов, хотя и была, так сказать, забита, но, тем не менее, не вся же целиком. Могла же и она развивать свою прогрессивную идеологию.

Итак, это национал-либералы, порою почти национал-консерваторы на славянофильской подкладке, выразители наиболее жизненных интересов, наиболее сильных групп средних и только отчасти, может быть, господствующих классов (может быть, наиболее передовых промышленников).

Перемена фронта у этих людей является вполне обоснованной и совершенно естественной. Первое, чего они жаждут—прочной государственности. Они пришли в ужас уже при керенщине. Присмотревшись к лицу наших эсеров и наших меньшевиков, они убедились, что эти партии—болтушки в состоянии только совершенно растасовать все силы народов бывшей Российской империи. Они убедились, что попытки контр-революции (типа колчаковщины, врангелевщины и т. д.) представляют собою продажу России иностранцам и кроме того являются свидетелями полной бедности, и духовной государственной нищеты правящих классов. Они должны были бы притти в отчаяние, но тут они заметили, что, пока они боролись с большевиками, большевики создали государственность, создали прочный политический строй, создали большую и прекрасную вдохновенную Красную армию, что они не только не растранижирили России, но за совершенно ничтожными исключениями объединили территорию бывшей империи в виде свободного союза народов, союза, отнюдь не противоречащего величайшей концентрации сил, законченной централизации. Они убедились, что советская конституция не противоречит великодержавности. Присмотревшись к тактике Коминтерна, они (правда, криво, ошибочно, убедились, что эта тактика идет на пользу великодержавности России, создавая ей на Западе и Востоке друзей среди миллионов угнетенных. Ошибочность их оценки заключается только в том, что они неясно понимают глубокий интернационализм и доминирующую над всем коммунистичность нашей тактики, но что на нашем интернационалистском пути мы, вместе с тем, совершаем работу и по воссозданию России, и что одна задача отнюдь не противоречит другой—это, конечно, верно.

И вот эти патриоты естественно задумались над этим явлением и поняли, что сейчас именно и произошла глубокая демократизация России, правда, гораздо более яркая, чем та, которой они хотели бы. Но, ведь, они боялись полной демократизации, чтобы власть не расплылась, теперь же из этой демократизации до тла выросла новая крепкая власть, вполне способная утилизировать все народные силы.

Единственно, что могло оттолкнуть их как группу, которой присущ определенный классовый инстинкт—это наш немедленный коммунизм. Немедленный коммунизм исторически явился у нас спутником гражданской войны, но, так сказать, социологически, он есть выражение интересов только одного класса—пролетариата и, пожалуй, еще самых бедных элементов кре

стьянства. Это, во-первых, должно было внушать известные сомнения: Россия—страна крестьянская. Политика немедленного коммунизма—анти-крестьянская политика,—как бы тут шею не сломала новая власть. Во-вторых, это было противно той группе, о которой мы говорим. Ей прогресс России рисуется в чертах всякой индивидуальной инициативы, широкой и свободной общественности на основе индивидуализма. В этом сказывается их буржуазность.

Вот почему душа их переполнилась восторгом, когда они увидели, что мы отказываемся от политики немедленного коммунизма; лозунг прочного союза с крестьянством, как первая политическая задача, успокоил их опасения, показал им, что власть остается глубочайшим образом народной. Лозунг развязывания частной инициативы в области промышленности не только дал базу для дорогого их сердцу индивидуализма „надолго и всерьез“, но и служит для них залогом постепенного развертывания и вольных форм культурной жизни.

Конечно, они сознают, что коммунисты, делая этот обход, неуклонно движутся к намеченной цели—всемирной революции и установлению окончательного социалистического порядка в России и других странах; но это их не пугает. Если это планомерный процесс, если это не авантюра, если это не прание против рожна, то чего же им тут пугаться? Они с уверенностью говорят о том, что буде революция действительно разразится в Европе, им приятно будет сознавать, что открыла ей двери наша родина, и прибавляют: а буде такая революция не придет скоро, Россия все же будет необычайно демократической, необычайно народной, необычайно могучей страной, которая займет видное место среди держав мира и перед которой, во всяком случае, открываются дни бесконечно более блестящие, чем тусклые дни заката самодержавия.

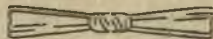
Много ли таких элементов у нас? Не знаем.

В ней есть элементы средне-монархические, конечно безыдейные в этом смысле, монархисты-дрянце. Из монархистов только один Струве болезненно переживает противопоставление Устряловских идей его идеям. Я даже не удивлюсь, если Петр Бернардович сам со временем переживет некий подобный же внутренний процесс. Но Струве не в счет,—это вполне индивидуализированная фигура. Есть в России обывательское интеллигентское болото. Тому все нипочем. Оно киснет и служит только тестом для других. Есть в России кадетско-меньшевистски-эсеровская оппозиция, болтливая, политически бездарная, выдохшаяся. Есть в России великий коммунизм, железный, вдохновенный, зоркий, мудрый. Может быть, кроме коммунизма в России есть еще настоящий, подлинный буржуазный патриотизм, остаток жизненной силы индивидуалистических групп и классов. Если он есть, то он сгруппируется вокруг своеобразного знамени, выброшенного рыцарями „Смены вех“.

Мы хотим опираться на живые силы страны. Кто же жив в нашей стране? Во-первых, огромное море вне пределов коммунистической партии, рабоче-крестьянской беспартийщины. Эта трудовая беспартийщина, примкнет ли она к коммунистической партии, сложится ли она в другую партию, пребудет ли в качестве своеобразной атмосферы вокруг коммунистического ядра, во всяком случае она главный наш контрагент и главный наш союзник. Если кроме нее в России окажутся еще глубоко патриотические элементы, которые с другого конца подходят к нашей задаче, которые говорят о спасении отечества, о его консолидации, о его промышленном и культурном прогрессе и полагают, что все это должно быть построено на фундаментах революционных приобретений Октябрьской революции, то с такими группами

мы также могли бы оказаться надолго спутниками, с большой надеждой, что и они постепенно ассоциируются с нашей партией в самых лучших своих элементах.

Вот, что означает появление „Смены вех“. Вот какой сдвиг, вот какой исторический факт имеем мы перед собой—очень медленный молекулярный процесс, медленный химизм нашей интеллигентской обывательщины, гораздо более медленный, чем мы желали бы.

А. Залкинд.

Союз работников умственного труда и культура переходного периода.

Всероссийский Союз Работников Просвещения и Искусств представляет собою сейчас, даже в международном масштабе, единственную общественную организацию, которая об'единяет всех работников умственного труда.

Многие называют Союз колоссом на глиняных ногах, формой без содержания,—но это утверждение является своего рода исторической близорукостью.

Роль Союза—не в прошлом, а в будущем. В прошлом—организационное зарождение Союза, техническое собиране его элементов, нащупывание исходных путей для дальнейшего, уже творческого развития. В настоящем—Союз твердо учел свое место в общесоюзной системе и прочно, устойчиво вступили колеса Союза на исторические рельсы. Впереди—ясная по целям и методам, хотя и тяжелая по под'ему, боевая дорога всех революционных профсоюзов.

Задачи Союза Работников Просвещения и Искусств, в построении новой культуры, сливаются, таким образом, с общей задачей культурного строительства революционного пролетариата в целом.

Все идеологические сдвиги и перепластования, совершающиеся сейчас внутри рабочего класса,—и многообразные отражения этих зигзагов на сознании промежуточных общественных слоев,—все это постепенно и неуклонно становится стержнем нашей союзной жизни,—все глубже и глубже захватывая толщу нашей союзной массы. Незаметно для него самого,—а еще более незаметно для близоруких „свидетелей со стороны“,—развиваются сложные перегруппировки в мелкобуржуазной психологии нашего интеллигента-массовика. Идеология пролетариата, экономический материализм, марксизм,—пока еще не осознанный, неоформленный,—все более настойчиво захватывает одну позицию за другой в его полурыхлом мировоззрении, дает все более четкий тон его устремлениям, выпрямляет его согнутую буржуазно-помещичьим богом спину, наполняет его смелостью, гордостью, чувством дали. Процесс этот совершается безостановочно, с той же закономерно-исторической неумолимостью, с какой идет вперед развитие величайшей революционной эпохи. Ни голод и кажущееся одичание нашего рядового интеллигента, ни видимое бескультурье нашей российской современности, не могут приостановить этот стихийный процесс приобщения работников умственного труда в стране диктатуры труда к единой идеологии всех трудящихся.

В этом процессе мы не одиноки,—так же, как не одиноки наши революционные авангардные волны в мировом рабочем океане. Мировая

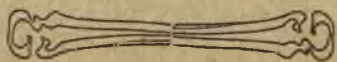
революция продолжается. Если она не развивается пока эффективно в ширь,—все более глубокие корни общественной жизни пропитываются ее целебной, оживотворяющей силой. Классового мира нет больше на земле, нет рабских фетишей и мистических масок. Экономическая, материалистическая истина цинически обнажена, и от ее грозно-гнусного лица не спрячешься теперь ни за развратно-наивно-бестолковой ужимкой художника выроodka, ни под крышей религиозно-философской паники. Покой общественного сознания нарушен навсегда, — впрямь до рождения единого сознания коммунистического человечества. Жестокая экономическая борьба классов углубляющаяся с каждым месяцем, ломает все старые устои общественной психологии,—незаметно, исподволь, перекраивает все старые культурные ценности. Все больше славных на нашей стороне: Шоу, Уэльс, Франс, Ролан, Барбюс, Наторп, Эйнштейн, Форель,—их настойчивый зов рождает не мало беспокойных сновидений у западного и у нашего интеллигента. Наступает ночь буржуазной культуры, но не далек пролетарский рассвет. Пролетарская революция на земле продолжается, пролетарский рассвет культуры приближается.

Страхи о том, что захлестывающий нашу Республику спекулянтский рынок волеет снова мелко-буржуазную гниль в не переродившееся еще сознание наших интеллигентов неосновательны. Заражает (или отравляет) идеология организованного победителя. Спекулянтскому же рынку, буржуазной анархии не быть в России победителем! У власти остается рабочий класс, руководящий государственной промышленностью и регулирующий частный рынок. Его же идеология будет единственной, способной владеть сознанием промежуточных слоев, тем более таких, которые сами непосредственно „на рынке“ в большинстве не „торгуют“.

В этом процессе борьбы растущей пролетарской идеологии с растлевающим влиянием рынка, теперь, при прорыве блокады, огромную роль сыграют и те сложно-интимные идейные катаклизмы, которые произошли и происходят в настроении и сознании западных интеллигентов за последние годы, под давлением неумолимой экономики и под сокрушающим влиянием нарастающего значения рабочего класса. Многому можем мы научить наших западных собратьев, но кое чему, и очень важному, они нас тоже научат.

В этом сложном процессе глубочайшего и длительного идеологического перевоспитания нашему Союзу принадлежит совершенно исключительная историческая роль. Питаясь соками из общепролетарского профессионального движения, братски поучаясь у авангарда рабочей революции, Коммунистической Партии, — наш Союз ближе, теснее всех других интеллигентских объединений на земном шаре связан с душой мировой революции. Он первый пытается нащупать твердую почву для новой культуры, — он первый ошибается в этих тяжелых, сложных поисках, но он же первый найдет начальное зерно грядущей истины.

Пронизываясь все глубже живой водой пролетарских исканий, плотнее связываясь с культурными ответвлениями рабочей революции на западе (начало такому международному объединению работников просвещения уже положено), — наш Союз — международный Союз работников просвещения и искусств — будет путеводным маяком для них, затерявшихся и растерявшихся в сумерках умирающей культуры, в грозной атмосфере надвигающейся бури мировой революции.

Проф. М. Рейснер.

Идеология или наука.

По поводу книги К. М. Тахтарева: Наука об общественной жизни. П. 1920.

Книга К. М. Тахтарева представляет собой обширный и систематически написанный очерк социологии, как науки в ее современном состоянии. Автор давно и упорно работает в этой области и является в значительной степени продолжателем трудов своего учителя, покойного М. М. Ковалевского. Как видно из послесловия к книге, которая печаталась целый год, он не остановился на мертвой точке и продолжает и дальше свой настойчивый труд. Революция наконец то дала К. М. Тахтареву кафедру, которой он давно достоин, а вместе с тем, надемся, и полную возможность посвятить себя этой новой в России науке. Можно только пожалеть об одном, что такие исследователи, как Тахтарев, все же главное свое внимание посвящают трудам общего характера—разным „системам“ вместо того, чтобы дать, подобно Ковалевскому гораздо более ценные специальные монографии.

Общая точка зрения К. М. Тахтарева приближается к историческому материализму (марксизму) с целым рядом поправок, которые, однако далеко не всегда представляют собой дальнейшее развитие и улучшение теории Маркса и Энгельса. Так, вряд ли можно присоединиться к автору в его несколько преувеличенном пристрастии к социологической теории Аристотеля. Мы вполне согласны с Тахтаревым в том, что он отметил и подчеркнул эти стороны аристотелевского учения: великий либерал древности был вместе с тем и крупным обществоведом своего времени. Но мы сомневаемся, что бы понятие „аутаркея“ (автархия), а по русски „самодовление“ или, как ее переводит Тахтарев, „самодостаточности“, могло быть использовано в настоящее время, как во времена Аристотеля. Более чем вероятно, что под этим словом древний мыслитель понимал нечто совершенно иное, нежели понимаем мы теперь. Вряд ли вообще понятие „самодостаточности“, созданное для обозначения хозяйственной полноты и политической самостоятельности малых и замкнутых „полисов“ Эллады, может без нарушения своего смысла выдержать растяжение его не только на современные национальные государства но даже на человечество (Стр. 76, 77, 139—141).

И когда Тахтарев определяет общество как „самодостаточное общение людей, стремящихся сообща обеспечить все стороны своей жизни, обеспечить наиболее полное удовлетворение всех своих потребностей „путем самой широкой формы самодостаточного сожития их“, то, конечно, в этой расплывчатой и неопределенной формуле чувствуется весьма мало от марксизма, хотя бы подвергнутого основательной переработке. Но за то подобная широта определения дает возможность автору „исправить“ учения исторического материализма в самом его основном пункте—его революционной диалектике. „Самодостаточность“ общества, как тесно связанного общностью интересов сожития, естественно является в глазах автора противовесом той непримиримой теории классовой борьбы, на которой Маркс и Энгельс обосновали свое социологическое учение „общественное сотрудничество“, „самая широкая форма кооперации“ членов общества, „общественная связь, которая объединяет всех участников общественного сотрудничества в едином общественном сознании“, „общественная“, а не классовая солидарность, которая бывает плодом жизни сообща всех членов общества и проявляется в их действительно общественном самосознании как со—общественников, сограждан, соплеменников, членов единой нации, одного и того же политического общества“—вот, что должно наполнить общую форму, „самодостаточности“ живым содержанием, по мнению автора (стр. III, 149).

Таково общественное миросозерцание автора, которое слишком знакомо нам в настоящее время, как типичное теоретическое обоснование политических воззрений умеренного и „правого“ социализма, соединяющего некоторые черты марксистского учения с теорией гармонического развития классового общества. И классовое сотрудничество оправдывается К. М. Тахтаревым еще другим путем. Если с одной стороны „общественное сотрудничество классов, на которые распадается любое из современных классовых обществ, дает достаточное основание для их самостоятельной, общественной и политической жизни“, то с другой именно „возможно более полное соглашение самых различных общественных групп“ создает „условия существования того, что принято называть политической свободой“. И на примере Швейцарии, Америки и Австралии показывает

наш автор, как там, при помощи современных политических партий, превратившихся „в широкие и действительно народные организации миллионов граждан“ насаждается непосредственное народное правление“ (Стр. 160, 385, 322). Как, очевидно, никакой существенной разницы между „группами“ и „классами“ эксплуататоров и эксплуатируемых наш автор при этом не проводит.

Обращает на себя внимание и еще одна сторона изложения К. М. Тахтарева. Это своеобразный смысл, который он придает слову „советы“ и „советский“. Как известно, этому термину, вместе с производными от него (вроде напр. „советизм“—Sovietism и т. д.) в настоящее время придается совершенно определенное значение. Под этими словами разумеется исключительно та своеобразная система правительства и управления, которая явилась в России после пролетарской революции и сущность которой состоит в том, что здесь место представительства количества индивидуальных голосов занимает представительство определенных классовых, профессиональных и хозяйственных коллективов, все государственное устройство покоится на федерации советов, а высшим носителем власти является орган рабоче-крестьянского правительства. Насколько нам известно, такая форма правления и государственного устройства в истории появляется впервые, ибо до сих пор еще не выступали в качестве государства и правотворящих факторов фабричные рабочие совместно с крестьянской беднотой, и с другой стороны, точно также ни разу целью „великой“ революции не провозглашалась программа социалистического переворота и пролетарской диктатуры. Однако же К. М. Тахтарев с умышленной и нарочитой подчеркнутостью не только совершенно игнорирует этот современный и привятый во всем мире смысл слов „советы“ и „советский“, но и сопоставляет их в одну линию не только с понятием „парламентов“ и „парламентский“, но в частности, с теми старинными „советами“ бывшими в Швейцарии и в других странах, которые были ярким и грубым выражением олигархии, т. е. господства привилегированной знати над беднотой (см. напр. стр. 213, 321 и т. п.)

Мы не можем предположить, чтобы такой серьезный ученый, как Тахтарев в данном случае допустил научную фальсификацию в политических целях и ради опорочения „советского режима“ подводил русские революционные советы под рубрику тех „верховных советов“, которые оставили по себе проклятую память тирании и гнусной эксплуатации. С другой стороны мы не можем себе представить и такого положения, чтобы наш ученый, ученик Ковалевского до сих пор оставался в неведении относительно существенных особенностей современного советского строя и его, во всем мире общепризнанной квалификации. Как ни как, а до времени издания книги Тахтарева прошло три года со времен первого захвата власти советами... Быть может, у нашего социолога имеются особые основания—какаянибудь специально выработанная теория, которая дает ему право ставить наши революционные советы в одну группу с буржуазными парламентами и олигархическими „советами“ старины? Но в таком случае на его обязанности лежало сообщить нам эту теорию, что бы не вводить нас в тяжелое недоумение.

А то получается весьма странная картина: К. М. Тахтарев, как истый народолюбец, рисует нам не только старые советы и новые парламента, но и совершенно основательно показывает нам всю необходимость борьбы против этих орудий народного гнета и эксплуатации. В древности, как повествует он, таким „орудием осуществления прав действительного народного большинства наиболее численных народных групп служило народное собрание, когда гражданам удавалось взять верховную власть в свои руки и ограничить прежнее самодержавие верховных советов, этих древних парламентов, превратив их из самодержцев в исполнителей воли народа“. В наши дни „орудием осуществления народной воли“, или говоря иначе, „сотрудничающих“ классов против „парламентов“ и „советов“ является всенародное голосование или, как выражается автор: „орудием воли народного большинства, состоящего из наиболее численных народных групп, происходит с помощью завоевания им, так называемых, народных прав референдума (право народной инициативы), права непосредственного избрания правителей, а равно и права отзыва их по требованию большинства голосующих граждан. Спрашивается теперь, где же здесь наши революционные Советы?—Среди парламентов или „народных учреждений“ на манер народных собраний и всенародного голосования? Ясный контекст автора отвечает без всяких сомнений:

„Пока „политические“ партии немногочисленны—и представляют собою скорее политические клики, чем настоящие народные партии, они довольствуются советскими, парламентскими учреждениями для обеспечения своих групповых интересов. Наглядным примером и доказательством может служить современная Россия. Когда же эти партии из немногочисленных политических групп превраща-

ются в широкие и действительно народные организации миллионов граждан, стремящихся к непосредственному участию в верховной власти, тогда они избирают орудиями своего политического господства... уже не советы, а непосредственное народное правление „по рышеуказанному образцу“ (стр. 322.) Между нашими советами и „советами“ старой деспотии, таким образом, не оказывается никакой разницы. Но повторяем, если автор выставляет такое утверждение, он по меньшей мере обязан его доказать, так как никакой ученый, не ослепленный до последней степени партийной враждой, не рисковал бы с их пор утверждать без всяких доказательств, как нечто общепризнанное и само собою понятное, что наши советы принадлежат к тому же самому типу учреждений, как „советы“ знати и парламенты буржуазии.

Впрочем и действительно, вряд ли наши советы могут найти благосклонную „социологическую“ оценку со стороны К. М. Тахтарева. Почтенный ученый не только народоловец, но еще в большей степени убежденный пацифист и миротворец. В этом отношении он даже склоняется некоторым образом к настоящему толстовству. „Борьба ничего не творит“, „борьбой никогда и нигде не создавалось ничего нового“. И если „многие думают, что общественный прогресс ускорится борьбою, борьбою общественных групп и народов „то, на самом деле он ускорится их мирным общением несмотря на борьбу, которая его замедляет и даже приводит к гибели обществ и целых цивилизаций, приводит к явлениям, которые мы называем регрессом“. Характерно, что Тахтарев при этом не делает никакого различия между внешней и внутренней или гражданской войной, которая обыкновенно представляет собою разрешение междуклассового конфликта. Ибо, как говорит автор, „войны, даже гражданские“, вовсе, не за новые формы жизни и за устранение ненужных препятствий для ее поступательного хода“. Только для минувшей империалистической войны находит наш социолог смягчающие обстоятельства, так как „во первых, данная борьба происходила между „цивилизованными обществами“ и при этом „победителями“ оказались „самые передовые из них, а во вторых эта война все же не длилась столько времени, чтобы окончательно разрушить их жизнь“ (стр. 292, 293).

Выводы для недостаточности „передовых“ обществ вполне очевидны, тем более для тех, которые не оказались в числе „победителей“... Да и чего ждать от „наших русских соотечественников“; как оказывается, „их слепота воинству изумительна. Она не меньше, чем ограниченность их общественных взглядов. Политическая свобода, добытая сотрудничеством классов, принесена им в жертву новым классовым интересам, заменена диктатурой новой общественной группы, отрицающей интересы русского национального общества. „Или, переводя на менее социологический язык—время Керенской национальной „свободы“ сменилось „диктатурой“ большевиков-интернационалистов. Нужно ли большее доказательство вредности войны, в особенности гражданских... А между тем, как подтверждает Тахтарев, во всеоружии „азбучной социологической истины“, только на почве общественных соглашений различных классов может строиться свободная общественная жизнь“ а „политическая свобода и равноправие всегда и всюду являются плодом совластия известных общественных групп“. „бывают плодом их политического сотрудничества и общественных договоров“ (стр. 160). Отсюда мы почерпаем только одну крайне утешительную новость: согласно данным нашего социолога в современных высоко „передовых“, и „цивилизованных“ странах, где в отличии от тирании советов, действуют народные „учреждения: пролетариат“ совластвуют с буржуазией, бедняки с богачами и следовательно, имеют полную возможность передать и землю и орудия и производства из рук эксплуататоров во власть всего общества“. И это без всякой гражданской войны. Как жаль, что наша слепота мешает нам разглядеть столь отрадное проявление „совластия“.

Впрочем нам мешает здесь, бесспорно и другое обстоятельство. Мы слишком увлечены тем марксизмом, который еще не подвергался благодетельным исправлениям со стороны К. М. Тахтарева. Ибо это учение заражено не более и не менее, как „социальным дарвинизмом“. А „социальные дарвинисты, как и прародители их Гоббс(?), говорили больше о том, что разделяет людей, чем соединяет их. Они не столько стремились выяснить действительную основу общества, сколько ту общественную борьбу, которая происходит между различными обществами и внутри самого общества между его членами. „И точно также Маркс и марксисты гораздо более говорили и говорят о тех общественных противоречиях и борьбе, которые продолжаются экономическими отношениями общественного производства, чем о той общественной связи, которая объединяет всех участников общественного сотрудничества в едином общественном сознании“. (стр. 148, 149). Таков „социальный дарвинизм“, лишающий марксистов остроты и точности зрения и погружающий с ними русское общество в „изумительную слепоту“.

И если мы придаем такое громадное значение революции, и в частности, революции социальной, то и здесь К. М. Тахтарев готов охотно раскрыть нам глаза и выявить объективную и строго научную истину. „Поступательный ход общественной жизни имеет как бы некоторый двойственный характер, проявляясь то в виде медленного и спокойного течения (эволюция), то в виде бурного и стремительного потока (революция). Но... это только так чудится. На самом деле имеется нечто совсем иное: „эта двойственность только кажущаяся. Она имеет чисто относительное значение... И то и другое движение происходит волнообразно и волна революции отличается от волны эволюции только своим более резким и высоким подъемом“ (стр. 252, 253). Вот и все. Надо только усвоить себе идею „волнообразия“ или „волнообразности“, и все объяснено. А если нас еще беспокоит мысль об истинном факторе не только развития, но и прогресса, то и здесь автор готов исправить заблуждения „социальных дарвинистов“.

„Открытия и изобретения“ таков основной фактор развития общественной жизни. „Открытия и изобретения“—они обновляют и преобразуют жизнь человека и дают „новые способы и средства удовлетворения потребности“. Эти „открытия и изобретения“ обуславливают „новый образ жизни, который выражается в новых формах труда и трудового общения людей“. А на этом уже наслаиваются и „новая общественная группировка“ и ее „новый уклад“ и соответственные „правовые отношения“ и „мир понятий“. Ибо прогресс есть нечто иное, как „поступательный ход общественной жизни, обусловленный творческою, преобразующею и обновляющею деятельностью человека“ которая и приводит его к „все новым и новым формам жизни“. Сообразно с этим определяется и роль личности в истории. „Величие личности создается ее творческой деятельностью“ и в этом отношении она целиком уравнивается с обществом, одной из сторон которого она и является (стр. 343, 285, 234). „В одновременном развитии личности и общества заключается самая сущность развития человечества“ (стр. 270).

Таковы некоторые основные пункты учения К. М. Тахтарева, изложенные в его „Науке об обществе“ или „Социологии“. К сожалению, в этом учении мы не можем отметить ничего ни нового, ни особенно ценного для науки. Даже более того, мы должны признать, что в оболочку обширной эрудиции и научного изложения серьезным и знающим ученым завернут довольно дешевый товар, который знаком по истории политических учений. Это ни более ни менее, как определенное идеологическое учение, которое не только окончательно вылилось под ударами нашего бурного времени, но и представляет собою нечто иное, как в виде „Социологии“ изложенное обоснование слишком известного течения в сторону сотрудничества классов, включая сюда и буржуазию, демократического строя по образцу, выработанному в капиталистическом обществе, и мирного творчества в замену революций, классовой борьбы и войн, включая сюда и гражданские. Политическая идеология мирного соглашательского мешательства. Все это очень хорошо, и серьезное обоснование подобных воззрений имеет известный интерес. Но спрашивается, причем же здесь наука?

Однако неумение или нежелание различить между идеологией и наукой причинило и другой весьма существенный вред „Социологии“ К. М. Тахтарева. Он не только сам выдал идеологию за науку, но и оказался совершенно беспомощным в различении чисто политических и научных сторон в тех учениях, которые он, в общем с такою добросовестностью и отчетливостью, изложил. В это отношении он воскресил давно отжившую манеру наших старых философов, которые, совершенно не подозревали, что Платон был не только мыслителем, но и вождем реакционной партии, Аристотель—либеральным идеологом, Гоббс и Локк—пророками буржуазии, Спенсер—обоснователем либерализма и т. д., методически „опровергали“ их заблуждения и во имя формальной истины сооружали, сами не подозревая того, идеологию какогонибудь политического течения, навязанного им временем и средою. Положительно комическое впечатление производят те места изложения обществоведа Тахтарева, где он, совершенно и словно умышленно игнорируя идеологическое и классовое значение марксизма, логически и формально толкует и исправляет его, как простую теоретическую ошибку нелепого ученика.

Если Тахтарев умышленно, под видом научного изложения решил обосновать некоторые идеологические тезисы—об этом очень можно пожалеть, тем более что он этим никого не обманет, но только очень повредит пониманию своего труда. Если же он это сделал умышленно, то приходится пожалеть вдвойне, так как это показывает нам, что прекрасно образованный, горячо любящий науку и обладающий заслуженной репутацией ученый под влиянием неизвестных нам причин, или забыл или искусственно вычеркнул из своей памяти крупные достижения современного знания.

Бор. Пильняк.

Три Брата.

I.

Память знает эти медовые пряники с горькой миндальной посреди,—память хранит те медовые дни, как мед мне, пришедшему, в сущности, со всяческих Иргизов. Там степь, заволжье уперлось—не в Волгу, а в Трех Братьев, которые в географии, кажется, являют собой кусочек Ергеней. Волга узка и пустынна, хоть и нижний здесь начинается плес. Река Караман опоясала Катринштадт, и немцы курят трубки—Трем Братьям и степи.

Без четверти семь утра бьют в кирке колокола, и вся колония сидит за столом за кофэ. В семь утра бьют в кирке колокола, и вся колония за работой. Памятью—я смотрю в окно дома Gross—Mutter: одинокий верблюд утверждает Азию, „ночь Азии“, „змеиную мудрость“ и драконов—змеиной шеей, драконьей головой и степным спокойствием,—не даром „спокойствие“ и „степь“ созвучны. За окном пустынная площадь, пятьдесят градусов жары по реомюру и колокольня кирки, которая плавится зноем,—а там дальше, кажется в тридцати шагах, стоят Три Брата. Генрих Карлз, друг моего детства, говорит у окна:

— Wollen wir spazieren gehen?—мне, переводящему на русский, очень смешно:—„хотим мы итти гулять“?

В без-четверти двенадцать бьют на кирке колокола (металлический, не русский звон), и вся колония сидит за обедом и затем—прикрыв ставни и раздевшись, как на ночь, спит. Мне темно даже читать и я лежу, задрав ноги, грызу пальцы и думаю о том, почему воры не воруют здесь днем,—очень скучно вспоминать, что здесь вообще не воруют. Колокол бьет в три, тогда пьют кофэ, в пять и в восемь. В девять вся колония снова спит, уже на ночь. Рабочий день—колоколом—ликвидируется в пять. В гости ходят от пяти до восьми, до ужина. Гостям дают медовых пряников с горькой миндальной посреди, рюмочку вина и предлагают сыграть партию домино. Gross—Mutter имеет пять пар туфлей, все они стоят у порогов, в одних она ходит по двору, в других по коровнику, в третьих по кухне, в четвертых по столовой, в пятых по гостинной,—это чтобы соблюсти чистоту. Полы моют каждый день, а дом снаружи—по субботам. В коровнике полы моют тоже по субботам. Непонятно—люди для чистоты, или чистота для людей. У Gross—Mutter, на лесенке есть шкаф с вином, я понял, что самое разумное, когда спят днем после двенадцати, обледовать этот шкаф, чтобы на самом деле заснуть к трем.—Мой отец, Андрей Иванович Вогау (Андреас Иоганович)?,—русский земский врач. Мы сидим у дяди Александра, тетка Леонтина делает такой вкусный пунш,—мне бы сходит с Ирмой в Катрин—Гартен!—но дело не в этом, дело в том, что Gross—Mutter запирает калитку на замок ровно в восемь, когда бьет колокол на кирке, а сейчас десять, и мой отец сокрушенно стоит у забора, я лезу на забор вперед, отец за мной; на дворе отец шепчет мне:

— Сними, Борюшка, сапоги. А то нашумим мы и наследим.—И я и отец, мы идем по двору, и в коридоре на ципочках в чулках, чтобы лечь бесшумно. Отец закуривает папиросу,—и на крашенном полу, блестящем зер-

кально, четко отпечатаны следы наших чулок. Отец зажигает вторую спичку, папиросу вставляет в угол рта, покачивает головой и говорит уже на языке, которым встретил жизнь:—„О, mein lieber Gott“ (—я и он сидим на полу, заговорщицки гмыкаем и стираем следы с пола носовым платком.) Утром мы всеравно попадаем с поличным—платками. А отец сидит с дядями, причем у каждого дяди по трубке с каучуковым мунштуком, шеи в шарфах, лбы под широкополейшими соломенными шляпами, рожи бриты и носы сизы в расплавленном дне:—отец рассказывает дядям о непорядке и непорядочности русских, о земском деле и бездельи; немцы слушают, курят и говорят степенно:

Но, mein lieber Gott!

Ну, да. Бабушка, милая—милая Gross—Mutter Анна, повезет меня на кабриолете на Караман, в „займи-ш-тэ“ (сиречь займище). Милая бабушка Анна сошьет мне штаны и курточку на рост и поведет меня на тир, где немцы состязаются по воскресеньям на звание короля стрельбы. Я приехал туда—на лодке под рваным парусом, с сизолицым немцем в шляпе, как зонтик, по мутноводной Волге,—на лодке, которая блестела русской в Пасху горницей и так сладостно—Стенькой Разиным для мальчишки—пахнуло варом. Я помню верблюда, утвердившего мне Азию, „Ночь Азии“ и „змеиную мудрость“ драконов—песчанной своей шерстью, степным спокойствием и криком своим, заключившим в себе всю культуру Турана. У меня—от милой, милой моей бабушки Анны—еще до сих пор есть шерстяные чулки, красные с синими полосками, такие добротные и неизносимые, как вся немецкая культура. Бабушка тогда мне, ребенку, рассказывала, как, когда немцы впервые пришли сюда на Волгу, они вели войну с киргизами; один раз киргизы поймали в займищах на Карамане тридцать немцев и вырезали им языки; а немцы, излавливая конокрадов—киргизов закапывали их в стога и сжигали заживо; моя детская фантазия рисовала тогда: зеленые степные ночи и обязательно верблюдов, много верблюдов; мне было очень тесно от рассказов бабушки.

Остальное я предлагаю читателю узнать у историков. Вот адреса: Село Екатериненштадт или (Баронск) Самарской губернии, Николаевского уезда, затем в революцию 1917 года—город Маркштадт, столица Коммуны немцев—колонистов Поволжья, почти федерации Российской Республики (город Николаев стал городом Пугачевым), потом после пятого года революции, в Великий Голод: Штербштадт—умирай город, ибо часть немцев была просто сплавлена в Волгу, а другие части покатили на своих фурах—на Кавказ, в Туркестан, даже в Германию. Подробности—у историков, в примечаниях к томам „Истории Великой Русской Революции“.

Затем у меня сохранилось еще такое воспоминание от детства. Это было в Можайске, где отец был врачом. С мальчишками я ходил на Козью горку ловить птиц; надо было проходить мимо железнодорожной водокачки и насыпи, в которой лежали водопроводные трубы; и вот под эту насыпь был проделан ход, чтобы надсмотрщики могли лазать туда на четвереньках; мне мальчишке, тоже надо было слазить, чтобы обследовать подземелье, как мальчишки обследуют всю жизнь: я полез и на меня из-за гнилых досок обвалилась земля, я не мог ползти ни взад, ни вперед,—меня выручили мальчишки, которые вытащили меня оттуда за ноги;—и вот помню, тогда там в подземелье мне было так-же тесно, как от рассказов бабушки о немцах, которыми киргизы на Карамане вырезали языки.

II.

Лето тысяча девятьсот двадцать первого года, один, я жил в тридевятиом государстве. Добрый человек, Ольга Алексеевна, мне приносила кипяченую воду, чтобы пить. Часы остановились и я их не заводил. Я жил в очень хорошем

содружестве—с самим собой, пылью и велосипедом. Из комнаты ребятишек я перевесил к себе черные занавески. У меня в кармане прибавилась небывалая вещь—целая связка ключей. Я вставал—когда просыпался, шел на реку умываться и за водой. На базаре знакомая торговка оставляла мне бутылку молока, хлеб и масло я привозил от жены из Новоселок. У меня было единственное богатство—пуд керосина, и я мог бодрствовать, не считаясь с солнцем: я очень хорошо изучил эти зеленоватые, зыбкие, необыкновенные июньские рассветы. Бодрствуя я писал повесть о „Рязани—яблоке“. читал „Историю Гончих Собак“ и „Рыбы России“. У меня никто не бывал. У меня была связка ключей, и потому случалось так, что дом был заперт, чтобы покоить пыль, а окно в полисад мирно грелось на солнце, мирно раскрытым. Через два дня на третий ко мне приходила хожалка, она сначала сидела на крыльце, иногда ставила самовар и варила мне картошку, тогда мы пириествовали и она шла спать на женину кровать. Обыкновенно я уезжал в Новоселки, когда приходила хожалка.

Я жил на погосте, в домике о пяти окнах, из окна я видел древнейшую церковь и сейчас-же за домом протекала Москва-река. Справа от меня жил батюшка, слева, за огородом—семья жуликов. Дом батюшки был с моим домом забор в забор. У батюшки умерла жена. Батюшка жил отшельником. По двору и по садику у себя батюшка ходил в белых штанах, в жениной кофточке и шляпе. Однажды утром я учуял у себя в доме, что, должно-быть, куда-то рядом приехало сорок ассенизаторов. Все-же я тщательно осмотрел мой дом,— и я открыл истину (ведь истин так много!): батюшка откупорил ямку под своим задним крыльцом, в другом углу двора он вырыл вторую ямку, и вот, ведерком, у которого ко дну и к ручке были привязаны две веревочки, чтобы не мазать рук, батюшка носил жидкость из одной ямки в другую; в шляпе, в кофточке и в белых штанах, он делал это методически, полтора дня. В этом, конечно, отразилась революция, как и в том, что батюшка вел записи, как в школах, всех приходящих и не приходящих в церковь прихожан, и запирали церковь, как Художественный театр, в час богослужения. У батюшки было расписание треб и стоимость их продуктами. Я не могу отозваться о батюшке без уважения: он, отшельник, истинно веровал своему Богу, до горения, и те немногие, сгорбленные и в черных одеяниях, что из службы в службу приходили к нему, запирались в церкви на общую молитву с катакомбической напряженностью,—там, в запертой церкви, хор заменяли все собравшиеся.— Слева от меня, за огородом жила мирная семья жуликов, трудолюбивых, как муравьи. Я наблюдал, как отец тащил домой, ему не нужные водопроводные трубы (впоследствии они заменили жердины в заборе), два полена, нарядный чемоданчик. Сын и мать были заняты иным: сын, тощий мальчишка лет десяти, с утра до вечера, по мелочи, за пазухой, таскал из садов яблоки, ночами он лазил за яблоками с корзиной, и мать была занята сушкой яблок впрок. Все-же мои жулики жили очень нище (ведь это был год Великого Голода) и когда на огородах поспела свекла, капуста и огурцы,—они питались только ими. В их доме было так же интересно, как, должно быть, у Плюшкина; домик стоял в саду за огородом, с глухим двором вокруг, и дом, и двор были завалены совершенно неожиданной рухлядью; мне все время хотелось купить у них стариннейший клавесин. От этой рухляди у них очень было пыльно и пахло, как в слесарной. У них было одно богатство—корова, за коровой ходила черная старуха. И вот эта сестра жены, сухая старушенка, Анфиса Марковна,—заговаривала, у нее была слава и практика, уж не знаю, как сказать, не то знахарки, не то ведьмы, что в сущности, должно-быть одно и то же.

Через два дня на третий приходила ко мне хожалка, обыкновенно к этому времени с'едался хлеб и я уже не прочь был с'есть горячего супу. У меня —ста-

ренький женский велосипед, начавший свое существование вообще с начала существования велосипедов, поэтому даже не мобилизованный. Я накопил масла и ехал на нем в Новоселки. Когда-то были помещики Енишерловы, они исчезли вместе с революцией, но дом остался, в старом парке, засаженном лиственницами и буками, на холме между оврагом и рекой Коломенской, совсем один в лесу. В революцию дом отбыл постой, и детской колонии, и трудармией; потом его заколотили, за неимением в России стекол. И вынче, в мезонине на лето поселилась моя жена с дочерью, и собачкой Малышом. Каждый раз, когда я приезжал ночью (всю дорогу провожали меня коростели), дом с главной аллеи утверждал мне подлинность Тургенева, верилось в тургеньевскую девушку, которая сейчас выйдет с террасы,—на Коломенке кричали лягушки. Но я чаще приезжал днем, и меня встречала жена—в лесу, с подошкой в руке, в том очарованьи, которое есть в каждой женщине незадолго до родов. У нее в руке подошек и вид ее немного дик и сосредоточенно—рассеян: это потому, что она с утра до ночи сходит с ума о грибах и ее глаза не могут не заглянуть под и за каждый куст. Мы все в Новоселкахходим с ума о грибах. В Новоселках, в мезонине у нас нет ни одного стула и только один стол, мы живем на полу, где у нас постели, а у дочери Наташки, кроме игрушек, и зеркало. Утром дочь Наташка подсаживается ко мне на корточки и командует:

— Раз, два, три, пали!—я вскакиваю под команду, ем пресную лепешку, пропахшую, как все, земляникой. Мне не важно, что новоселковский дом знает длинную историю, с императрицы Екатерины,—я обуваю чуньки, беру корзинку и иду за грибами, я нашел свое место, в овраге. В полдень мы состязаемся в количестве белых,—и все побитые рамы, крыши, двери украшаются четками грибов. Шут его знает—четки грибов тоже, должно-быть, какая—то мистика, быть может, как роды жены моей Маши. В лесу, лес пахнет земляникой. Вечером иногда приходит—тоже жулик, простой русский крестьянин, огорожавшийся и этим погибший, Иван Андреевич: он почему-то не стесняется говорить о том, как ворует дрова в роши и предлагает их нам; надо будет, по знакомству, купить у него! И вот он рассказывает, что ржаной колос, которому надо цвести еще через неделю, что, если такой колос положить на четверть часа в волосы женщины, он расцветет за эти четверть часа в волосах женщины, из него, из колоса, выпадут его золотые, несущие пыльцу, тычинки; это бывает потому, что в женщинах бывает нечистая сила. Это мне показалось чрезвычайно необыкновенным, это как раз те мелочи, которые я собираю, как мед, для моих рассказов. Я спрашивал,—мне это подтверждали, и крестьянские девушки подтверждали это смущенно. Вечерами с Коломенки поднимался туман. Наташка спала. На единственном столе горел моргас, жена, во всем в белом, стояла у этого единственного стола и переплетала на ночь волосы. Мы говорили о грибах. Я лежал на полу и курил папирсы.

III.

Мне выпал такой день. Утром (собственно днем) меня разбудил почтальон. Во мне смешались четыре крови; немецкая, русская, татарская и еврейская, точнее, собственно, так: русско—татарская, немецкая, чуть-чуть еврейской. Утром мне почтальон принес письмо с родины русско-татарских кровей от сестры. Вся моя боль—там, в русско-татарской моей стране; боль, ненависть, любовь и неясность, все мои Иргизы. Та Маруся, которая упоминается в начале письма, умерла в 920-м году от голодного тифа и ее схоронили в Москве на Донском кладбище,—ее Марусю Лобачеву, мою Лодку, Сестра писала:—

— „Сказать мне хочется, что я очень тебя люблю, и что мне очень часто тебя не достает, а теперь после смерти Маруси и еще чаще. Когда я в прошлом году уезжала я видела вас, тебя и Марусю, последний раз из вагона: вы стояли на площади и махали мне и я как-то вдруг почувствовала, что вы оба самые близкие мне люди, и почему-то, когда я начинаю тебе писать, я вспоминаю ту минуту, свои тогдашние мысли и слезы, и реву. Реву и сейчас.

„В сущности очень нехорошо, что мы живем разное. О том, как мы живем, тебе поди все писала мама. Папа служит (ходит на службу мы с ним вместе, очень трогательно—под ручку, с мешками за спиной и портфелями под мышкой. В отделе читает твои письма и знакомит меня со всеми: „моя дочь, агроном,—чем приводит меня всякий раз в смущенье), рыщет по уезду, в погоне за хлебом, всем грозит голодной смертью, сердится, когда люди живут не так, как ему кажется нужным, очень устает. Мама стряпает, ставит самовары, чинит белье, моет посуду, делает по необходимости то, что она больше всего не любит. Изредка ходим мы с ней гулять, покупаем стакан семечек и ходим по задворкам на горох и в Глебышевском овраге, или идем по родственникам, чаще всего к тете Даше. Тетя Даша в лице представляет, как торгуется из-за старого подсвечника на базаре дадя Толя, как ловко он обошел мужика, обменив ему сломанный будильник на два пуда мытых помидоров, как у Галиньки вытащили из кармана деньги, а тетя Катя уверяла публику, на Немецкой улице о своем умении врачевать и в том, что Спасококодский основывает лечебницу ее имени, как тетя Женя торгует в обжорке „лимондчиком холодненьким“ и как это выгодно. Живут Круговы отвратительно. Дядя Толя выжигает, покупает себе потихоньку белый хлеб, сахарин и припрятывает это от всех, выдает тете Даше один раз в день немножко щепок на таган для готовки обеда, не позволяет сидеть с лампой. Грязь у них, теснота, вонь. Леонид нигде не работает, ничего не делает, лежит на диване и читает историю французского искусства, жена его умерла и Люська спускает меха и платья, оставшиеся после матери. Вся наша родня—буржуи спекулируют на базаре по маленькой, размаху нет, да и денег тоже, а так „на сахаринчике“.

Я прочел это письмо, и мне стало тесно. Сестру, мать и отца я люблю больше всех. Мне стало тесно, я вспомнил мое детство. Можайск, Екатериненштадт. Это письмо было из Саратова. Все-же в тот день я проделал, как всегда, свои утренние дела, ходил на реку мыться, оттуда через Кремль на базар за молоком. У моих соседей произошло событие, нарушившее их мирный быт: к батюшке приехала дочь-коммунистка с трехмесячным ребенком. Мне было странно, как у такой женщины мог появиться ребенок. Она внешне походила на монашенку, ей обязательно надо было пойти на костер, чтобы сгореть за свою веру, она привезла в местный исполком свою идею социалистического—канцелярского—делопроизводства, она ходила всегда с опущенными, горящими глазами: ее горением было горение революции. Ее ребенок метался на руках отца, ребенок все время тьяк жалобно плакал: и батюшка обратился к моим соседям слева, к знахорке Анфисе Марковне—Анфиса Марковна три зори под ряд грызла пупочек ребенка, заговаривала, чтобы ребенок не плакал. Как это у них там делалось, я не знаю. Дочь батюшки, должно-быть, ничего не знала, вообще. Но дочь батюшки горела только революцией, не могло быть компромиссов,—и она, дочь, запретила отцу записать церковь во время богослужений, она донесла на отца в политбюро и с батюшки взяли подписку, чтобы он не вел книгу записей приходящих и неприходящих молиться. И агенты-же политбюро повезли, в один прекрасный день от моих жуликов всяческую рухлядь.—Вечером ко мне приходил милый большевик Николай Смоленский, потом подошел Топтыгин (мне, не больше-

вику, вообще легче вести кампанию с большевиками, у них есть бодрость и радость), мы устроили пир: Топтыгин засучивал рукава, готовил и пек вкуснейшие оладьи. Мы говорили о революции. Так Смоленский—коммунист, Топтыгин—шут его знает кто, бывший (изгнанный) большевик, и я—в сущности, анархист, определяющий себя полужутливо, полувсерьез, как „большевик, но не коммунист“: мы все трое любили революцию, как надо любить все стихийное, буйное, ледоломное, когда ребром ставится только две вещи, жизнь и смерть. Я доказывал одну из яснейших мне вещей: то, что Великая Русская Революция пошла, шла и прошла свой путь русской нашей сказкой об Иванушке—Дурачке. Но и эта мысль—пустяки: любимое надо—любить.

Той ночью я видел сон.—Без четверти семь бьют в кирке колокола, и вся колония сидит за столом, за кофэ. Памятью—я смотрю в окно дома Cross—Mutter, одинокий верблюд утверждает мне Азию, „Ночь Азии“, „змеиную мудрость“ драконов—песчанной своей шерстью, степным спокойствием и криком своим, заключающем в себе всю культуру Турана. Но сны у меня бывают всегда голубоватыми. Мне во сне надо было куда-то бежать, а в снах нельзя бегать, спутаны ноги, от этого делается неимоверно тесно. Я проснулся, и еще выви—в полусне—видел трех братьев, Дрей Брудер, что стали там на Волге, против Катринштадт. На дворе был шум; я отворил окно: за заборчиком батюшка проклинал свою дочь, так, как надо проклинать по обычаям православной церкви, как анафемотствуют на первой неделе Великого поста Емельяна Пугаева.

IV.

Здесь я кончаю свой рассказ. Дело в том, что если искусство все, что я взял из жизни и слил в слова, как это есть для меня, то каждый рассказ всегда бесконечен, как беспредельна жизнь. Drei Brüder—по—русски: три брата. Это вот те три избы стоят рядом. Иван Андреевич мне рассказал, что рожь расцветает в волосах женщины. Будет новое лето, еще много лет, когда я пойду в рожь и узнаю, так—ли это. Память знает эти медовые пряники с горькой миндалиной посреди.

Мих. Заценко.

Искушение.

Святым угодникам, что на церковных иконах, нельзя смотреть в очи...

Да бабка Василиса и не смотрит.

Ей сто лет, она две жизни прожила и все знает.

Она на Иуду Искаротского смотрит. В Тайной Вечере.

— Плохая моя жизнь, Иудушка—бормочет бабка—очень даже не важная моя жизнь. Я бы и рада, Иудушка, помереть, да нельзя теперь: дочка родная саван, видишь ли, истратила на кухольные передники...

Хитрит Иуда, помалкивает...

А кругом тени святы по церковным стенам ходят, помахиывают руками, будто попы кадилами.

— Ничего, Иудушка. Молчи, помалкивай, если хочешь. Я тебя не неволю. Мне бы только, видишь ли, из беды моей выйти.

Довольно поклонялась бабка святым угодникам, нужно и кому-нибудь другому поклониться.

Кланяется баба низко. Бормочет тихие свои слова.

Только видит: подмигнул ей Иуда. Подмигнул и шепчет что-то. Что шепчет—неизвестно, но баба знает, она—сто лет прожила.

Шепчет он: оглянись-ка в сторону, посмотри дура-баба на пол.

Оглянулась баба в сторону, посмотрела на пол—полтинник серебряный у купчихиной ноги. Спасибо Иудушке!

Нужно ближе подойти, потом на колени. Только бы никто не заметил.

Эх, трудно старой опуститься на колени!

Земной поклон Богу и угодникам....

Холодный пол трогает бабкино лицо....

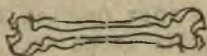
А где же полтинник? А вот у ноги.

Тянется старуха рукой, шарит по полу.

ТЬфу, нечистая сила! не полтинник.

Это—плевок....

Искушение, прости Господи!.....

Натан Венгров.

„Фельетон деревни“.

(Частушка).

Мы чрезвычайно заняты сейчас подведением итогов: совершенно понятно—только на этом учтенном опыте возможно движение вперед.

Знание четырех беспримерных в истории человечества лет должно быть уточнено до максимальных пределов, изошрено до величайшей зоркости, истончено до умения слушать и услышать революцию во всю ее насыщенность звуками.

Всем существом своим слушайте революцию!

Так бессмертно приветствовал Октябрь покойный Блок.

В этом слушании—исток, которым питаются корни культурного зодчества наших не дней, а, воистину, времен.

Преображен до неузнаваемости быт, он преобразуется каждым движением революционной истории.

Мы с жадностью ищем его отображения в искусстве, будь то искусство слова, музыки, цвета и формы, жеста и движения.

И мы нетерпеливы, готовы к разочарованию; многие, горевшие еще вчера, отходят с потухшими глазами.

Мы ищем в книге, в театре, в концертном зале, на выставке.

Об этом говорят и пишут.

К сожалению, мало слушают и еще меньше говорят, еще меньше пишут о том, что творится не для зала и не в зале, что не множится типографским станком и не для него создается.

Я говорю о частушке, той, которая множится в неисчислимом количестве повторений, разносится из деревни в деревню, из роты в роту, из уст в уста, облетая фронты, задорно перекликаясь из одного края в другой:

Ой, ябло—очко,
Куды котишься,
К брлым в лапы попадешь,
Не воротишься.

Нет нужды в том, что „белые“ заменяются по ту сторону фронта „Губчека“—на то оно перекидное, живучее, и как гибко это яблочко—фельетон деревни, по прекрасному выражению товарища, знанием которой я пользуюсь в этой заметке.

Прибавлю от себя—художественный фельетон.

До революции много было споров о ценности частушки, добросовестно собирався материал, суммирующий опыт исследователей.

Во всяком случае одно несомненно: тому, кто хочет увидеть деревню и армейскую массу, услышать ее говор „промеж себя“—тому необходимо слушать частушку напряженнейшим слухом.

Эта „пичужечка-частушечка“ при всей кажущейся примитивности своей формы (а форма то у нее иногда—ох!—как непримитивна) с солью, с перцем, с подковыркой.

Частушка напеваается, ей подтаптывают, под нее подмигивают; частушка—игра, это необходимо помнить, и чем она двусмысленнее, чем она задиристее, тем любопытнее: в этой изощренной игре—то, что нужно и можно прочесть и учесть.

Частушка—своеобразная музыка жизни.

Современная частушка—своеобразная музыка революции.

Я уже слышу:

— А это (приводится нецензурное) тоже музыка жизни?

Обязательно.

— А это (приводится подлинно контр-революционная брань) тоже музыка революции?

Обязательно.

Диссонанс. Беспомощный диссонанс, только утверждающий музыку!

Я, к сожалению, не располагаю большим материалом.

Мне, как и всем, было некогда записать эти четыре строчки, такие нужные, такие важные—всегда было более важное, более нужное; но они отмечались и у меня, как (не сомневаюсь) и у других какой-то отметинкой знания внутри.

Все же несколько десятков, которые сейчас передо мной, кое о чем говорят, а главное, говорят о том, что настало уже время их собирать.

Многое пропало, надо восстановить, ибо этот фельетон деревни—ценный исторический свидетель, говорящий сам за себя для умеющего слушать и слышать.

Осмос, существующий между армией и деревней—не дает возможности установить с точностью родину частушки: деревня или рота. Впрочем это и не так, может быть, и важно: наша Красная армия в массе своей—деревня, а деревня—неразрывными узами связана со своей подлинно народной армией.

Разве она не народная?

Прежде был извощик,
Звать меня Вавилом —
А теперь на фронте красном
Красным командиром.

Извощик-командир, — явление новое, небывалое. Факт воспринимается через добродушную насмешку над командиром из „своих“—нет пророка в своем отечестве. Да и власть та же, „своя“:

Прежде был я смазчик,
Мазал я колеса,
А теперь в Совете
Решаю вопросы.

Армия и Советская власть олицетворяются коммунистами. Они мстители за обиду.

Офицер молодой,
Зачем топаешь,
Коммунисты придут —
Пулю слопаешь.

Но это относится к „чужим“. Молодежь спокойна за себя и насмешливо констатирует:

Я на бочке сажу,
Ножки свесила,
Коммунисты придут —
Будет весело.

И рядом полу-нежная, полу-насмешливая жалость:

Офицер молодой,
Зачем женишься?
Коммунисты придут,
Куды денишься?

„Позиция“ — не разлучница:

Как мой милка — коммунист,
А я коммуналочка,
На позицию пошлют —
Отчаянная парочка.

И все то же традиционное, песенное, с исключительным по определению внешности эпитетом:

Мово черного, копченого
Угнали на войну,
Прострелили праву рученьку
Копченому мому.

Но замена винтовки лотком торгаша не прощается:

Матрос молодой,
В ногу раненый
На Покровке торговал
Рыбой жареной.

Борьба с контр-революцией теряет характер страшного. Некоторое ухарство — та же черточка, что и в „отчаянная парочка“.

Я зеваю на луну,
Неколи проспаться,
Не пойтить ли на войну,
С чехами подраться?

Поражение (а может быть и трусость) не прощается. Вслед ему летит издевка.

Снаряды летят,
Шрапнели рвутся,
Комиссары удирают,
Галифе трясутся.

И, очевидно, как отклик на какое-то деревенское событие — предостерегающее:

Ой, яблочко,
Ананасное,
Помогать дезертиру
Вещь опасная.

И про „Чеку“:

Ой, ябло-о-чко,
Белналивное, —
Посидеть в Губчека —
Вещь противная.

Насмешкой награждается и привязанность к устаревшей „военной эстетике“:

Я на бочке сижу,
Слезы котятся,
Ой, мамынька,
Замуж хочется:
Не за Ленина,
Д'не за Троцкого —
Мне б за офицерику,
Да за флотского.

Или вариант с другого, очевидно, фронта:

Не за Троцкого,
Д' не за Ленина —
За донского казака,
За Каледина.

Партия—коммунист—коммунизм—бытовое явление в деревне. И как новое явление, сдвинувшее уклад жизни, коммунист—постоянный объект частушки.

Как мой милка коммунист,
А я беспартейна,
Оттого у нас, миленок,
Любовь канительна.

Быстрота „обращения“ вызывает откровенную насмешку:

Коммуниста не любила,
Коммунисткой не была.
Коммуниста полюбила,
Коммунисткой стала я.

Партийная борьба преломляется шутливо в семейных отношениях:

Заскрипел пароход,
Засвистала птичка,
Мой миленок меньшевик,
А я—большевичка.

Тот же мотив на Украине:

Я на бочке сижу,
Пролетела качка,
Мой муж большевик,
А я—гайдамачка.

Или наоборот:

На боченке сижу,
Пролетела птичка,
Мой муж гайдамак,
А я—большевичка.

Полюбить „коммунисточку“—дело не совсем безопасное:

Я по улице иду,
Иду, не запинаясь,
Коммунисточку люблю,
Люблю, не запираюсь.

Женский голос склонен отпираться:

Картошку копать —
Грязная работа,
С комиссаром гулять —
Лишняя забота.

Любовь к коммунисту предъявляет какие-то новые требования:

Коммуниста любить,
Надо чисто ходить —
Чисто не находишься,
Белья не намоешься.

Сам он в традиционной „рубашке атласной“.

Коммунист, коммунист,
Рубашка атласна,
Хочешь—любишь, хочешь—нет,
А я не согласна (с доводами?)

Ему же отдается предпочтение. Счастливый соперник, которому это ставится на вид:

Коммунист, коммунист,
Рубашка сатинова,
Чрез тебя я, коммунист,
Миленка покинула.

При чем неожиданное влияние на отношения оказывают речи Ленина:

Я теперча не твоя,
Я теперя Сенина —
Он вчерась водил меня
Слушать речи Ленина.

От коммуниста отличается „комиссар“.

К „комиссару“ в специфическом одеянии (кожа) соответствующее отношение:

Комиссар, комиссар,
Строганы голяшки —
Сёдни с милой ночевал —
Завтра в каталашке.

Отмечаются и качества иного, „внутреннего“ порядка: за „комиссаром“, как за стеной:

Пойду я плясать
По полу, по склянкам,
Мой муж комиссар,
А я—слекулянтка.

Но комиссар — „величина переменная“:

Ох, ох, не дай Бог
С комиссаром знаться,
Не успеешь полюбить —
Надо расставаться.

И, может быть, уже сквозь шутки всерьез настоящей грустью звучит:

Ох, да я картошечку мотыжу —
Да кого люблю я, больно редко вижу.

Отметим, что и построение частушки здесь иное, не обычное.

С „большевиком“ связывается то, что внес город в деревню.

Моя милка пудрит рыло,
Мажет свечкой сальнойю,
Большевик, грит, мой Гаврила,
Очень идеальный.

Парфюмерия получает должную саркастическую оценку:

Капустка моя,
Мелко рубленая,
Не целуй меня, болван,
Я напудренная.

И полу-иронически, полу-всерьез звучит очевидный отклик на борьбу с этим влиянием города „Союза молодежи“:

Девушки—голубушки,
Вы не мажьте рожи.
Лучше мы запишемся
В Союз молодежи.

Исключительная зоркость характерна всегда для насмешника.

Эта неумная озорница—частушка—отмечает буквально все, что делается кругом, начиная с того, что

болит мое бело тело,
Во всю руку ссадина,
На вагоне я висела
Точно виноградина;

и кончая, хотя бы реакцией на революционную энциклопедичность первого периода революции:

Ты не думай, моя милка,
О профессии —
Не житье нам, а малинка
В Ресесесерессии.

Эта зоркость, то, что фельетон деревни ничего не упускает из-под своего бдительного ока—гарантия наиболее полного отображения революционного быта.

Здесь, в этом творчестве масс, мы должны искать того, чего ищут на театральных подмостках и в книге.

Ибо частушка—акт художественного творчества и, на наш взгляд, большой ценности, анонимным автором которого является—масса, творящая революцию и ею преображенная.

Впрочем о художественной ценности частушки нужно поговорить отдельно: убеждать в этом придется еще несомненно многих.

То же, что я попробовал сделать в этом отрывочном наброске—только к одному: частушка в высшей степени интересный материал. И в первую очередь, с точки зрения учета сдвига в деревне.

А. Л.

Германия о Достоевском.

Столетняя годовщина рождения Ф. М. Достоевского была отпразднована в Германии, как годовщина писателя, вошедшего прочно в мировую культуру и принадлежащего всему человечеству. Характерно, что не только художник, но и публицист—националист, Достоевский дорог побежденной Германии. В его проповеди веры в исключительное призвание родного народа, немцы видят полезное поучение в годы своего унижения.

Но основным является непосредственный интерес к нашему писателю, как трагическому художнику и трагической личности.

Так, из известных в Германии знатоков русской литературы, проф. А. Брюкнер, пишет:

Трагичны как творчество, так и жизнь того писателя, который первый в смиренном доме узрел человека в преступнике и преступника в человеке...

Определяя своеобразное положение Достоевского в мировой и русской литературе, критик продолжает:

Он был сыном города, интеллигентным пролетарием в то время, как его собратья по перу были родовитыми дворянами, жили в деревне и ненавидели город. В его произведениях нет ни одной страницы описаний природы, которые их прославили. Ему не доставало искусства рисунка и красок последних; его образы различаем мы лишь по голосу; мы слышим их, но не видим.

Достоевский для Брюкнера—величайший русский писатель, пророк и ясновидец, аналитик и диалектик, творец сцен непревзойденного драматизма. Незабываемы для него преступление Раскольникова, самоубийство Кириллова и др. Неожиданные и, одновременно, правдивые переходы и противоречия выказывают в нем несравненное искусство постижения души. Его взор проникает не только через ее поверхность, подобно Толстому он дома в царстве призраков и видений, и ему ясна душа преступника, как душа ребенка.

Характеризуя отношение Достоевского к культуре, Брюкнер говорит:

Он не отрицатель культуры, искусства, науки, подобно Толстому и не безусловный поклонник их, подобно Тургеневу. Запад остался для него страной, святых, и чудес добытых человечеством ценой пота и крови, и плоды Европы он вкушает с благодарностью. Но русский народ был для него избранным народом—который должен преодолеть все противоречия Запада и возвыситься над ними. Он высоко ставил мужика, как представителя этого избранного народа; чтит в нем смирение, терпение и страдание его, но, вопреки Толстому, не стремился к поглщению и растворению интеллигенции в его массе, не обожествлял, подобно последнему физического труда.

* * *

„Vossische Zeitung“ обратилось к наиболее известным немецким беллетристам с просьбой высказаться за и против Достоевского. Несколько выдающихся художников слова откликнулись на это предложение.

Из них Келлерман так отзывался о Достоевском:

Достоевский—грешник и святой, бесконечный в гневе и любви, самый молодой и самый древний, бесстрашный в шуме безумия и в громе видений. Создание и творец, червь и Бог, двенадцать раз распятый и двенадцать раз воскресший, пророк, провидец, вождь.

Против нашего писателя написал свой ответ на вопрос „Фоссовой газеты“ Георг Герман.

Отдавая должное гению Достоевского, он мотивирует свое неприятие его.

Вся его постановка вопросов жизни мне так чужда, что я не могу найти какого-либо пути к ней. Мне далеки всякого рода суд над людьми и осуждение их. Достоевский был бы мне близок, если-б со всей мощью своего дарования он провозгласил на весь мир, что, по существу, ни один человек не вправе судить другого; но он серьезно принял все предрассудки государства, и его юстиции. Все понятие Достоевского о наказании, равно как и чувство возмездия, его вера в искупление, все то что так чтят теперь в „восточной душе“, мне также чуждо, как фетишизм батокудов. Я старше.

Наименее симпатичен мне Достоевский там, где он является политиком. Я знаю его политические статьи. Они может быть и не близоруки политически, но они далеки от человечности на тридевять земель. Мне вспоминается его рассуждение о войне, где он доказывает ее необходимость и полезность. Благодаря ей, русский мужик знакомится с миром, узнает другие нации; англичанин, напр., будто бы никогда не был так любим в России, как после Крымской войны. И это пишет Достоевский после того, как на Шипке ежедневно замерзал почти полк солдат. Проклятье! Толстой был уж совсем другим человеком.

Но все эти этические вопросы—вопросы вкуса, и я бы снял их, если бы Достоевский для меня был тем, что я называю художником. Но он хотя и гигант, но не художник.

Герман считает творчество Достоевского исполинским лесом, в котором так страшно заблудиться.

Достоевский, заканчивает Герман, может и Эверест своего рода но он в той стране куда не ступит моя нога. Он может быть и вестник нового мира, но я не желал бы жить в этом, чуждом искусству мире.

Мы так долго останавливались на этом мнении потому, что оно более характерно для Запада, чем многочисленные выражения восхищения и признания, которыми испещрены лежащие перед нами страницы немецких газет.

* * *

Другой видный представитель германской литературы, — Вассерман считает невозможным точно определить границы влияния Достоевского, ибо слишком он вошел в его плоть и кровь и неотделим от личного, индивидуального.

Он вспоминает о своем первом знакомстве с ним. Ему было 21 год, когда он прочел „Идиота“ и впервые понял, благодаря последнему, значение и смысл поэтического символа.

Переходя к оценке влияния Достоевского Вассерман находит, что наш писатель явился виновником изменения психической ситуации целого поколения. Он открыл до него неизвестные взаимоотношения и соответствия внутреннего мира, порвал старые связи и установил новые. Он засыпал пропасть между восточной и западной душой, уничтожил темную и враждебную замкнутость. Он создал для двадцатого столетия новый ад измученных, распятых существ, женщин, мужчин, детей и духов. И новое небо? Не решаюсь это утверждать. Роман Алеши не был написан. Кто не прошел со смирением, удивлением и страхом через творения этого человека, тот ничего не знает о жизни и духе и об опасностях, угрожающих нашему миру.

Вильгельм Шефер предостерегает против охватившего сейчас центральную Европу тяготения к Востоку, к русскому хаосу, представителем которого является Достоевский. Он считает, что немцы должны остаться протестантами, т. е. верными учению богосыновства, любви к земле, которому чужд всяческий восточный нигилизм и буддизм.

В чем-то существенном Достоевский неприемлем для западного сознания, в чем то глубоко они отталкивают друг друга. И представления о гуманности здесь разные, и о жизни, и о человеке. Достоевский чужд европейцу своим абсолютизмом, максимализмом, отношением к миру, человеку и самому себе, как к подсудимому, жестокостью своих запросов и своей правды, вечной и хмурой озабоченностью, одним словом ветхозаветностью. В этом смысле европеец считает себя старше и зрелее. Он предпочитает жизнь постоянным размышлениям о жизни.

Акад. А. Ферман.

Между жизнью и наукой.

Среди глубокого перелома научного мышления, среди ошеломляющих открытий, противоречащих здравому смыслу, среди глубочайших завоеваний мысли, торжествует современная наука, открывая пред нами, как сказку, широкие перспективы будущего. И утомленное войной и раздорами человечество, с зажженной верой в новые пути, ищет в науке выхода из тяжелых экономических бедствий и повелительно требует от нее завоевания природных сил на благо человеку.

Давно прошли те времена, когда физическая сила человека, его мускульный труд, наравне с вьючным животным, был единственным видом энергии, которым владел человек. В это время количеством рабов измерялись богатства, и только через них древний грек или римлянин мог завладеть природой и использовать ее блага.

С тех пор слабые физические силы человека сменились новыми силами техники. 700.000 рабов заменил океанский пароход; силой 30 тысяч рабов мчится современный паровоз, и новые ценности легли в основу современного культурного мира: железо и уголь. В жадной погоне за этими источниками он создал свой промышленный мир и все шире и резче развивается его деятельность, подчиняя себе силы природы и улучшая их использование.

Сначала в грубых паровых машинах человек использовал только 6—8% живой энергии природы: он безумно расточал свыше 90% тепла в кусочке угля и паровые установки едва достигают 18% полезного действия. Уже пришел к ним на смену двигатель внутреннего сгорания и свыше одной трети мировой энергии превращается в энергию движения человеческой промышленности. И в этом постоянном стремлении как можно лучше использовать запасы тепла, заключенные в дереве или куске угля, человек поддерживается трагическим сознанием, что он безумно вокруг себя расточает природные богатства, не заботясь о них в будущем. Уже свыше одного миллиарда тонн сжигает он ежегодно, каждые 15 лет количество угля, добываемого человеком, увеличивается почти вдвое, через 100—150 лет мировая добыча добудет последние пласты угля в наших богатых угольных бассейнах, а тогда где же будет искать источники энергии столь расточительное человечество? Не будет к этому времени и нефти, истощены будут главнейшие рудники железа, использованы будут природные источники фосфора и залежи селитры! Только одна четверть этой природной энергии, или, вернее, даже меньше ее, будет использовано человеком, все остальное вернется в мировой обиход хозяйства самой природы.

И в то время, как медленно и постепенно назревают в мировой культуре и мировой промышленности призраки голода энергии и голода металла, наука ведет свою постепенную, часто незаметную работу, отвоевывая шаг за шагом новые позиции и отодвигая роковые сроки истощения. Она научается использовать бедные руды и бедные источники энергии, учится

лучше использовать самую энергию, вместо одних, уж исчерпанных, веществ она находит новые, и земные металлы заменяет самыми обычными природными соединениями. Уже на смену железу приходят глина и соединения кремнезема, на смену несовершенному паровику—мотор Дизеля, на смену богатых железных руд—бедные фосфористые соединения железа. Наука упорным трудом завоевывает природу и ее богатства, и трагическое недоумение Аристотеля, „что будет с нами, когда мы используем все железо“, и столь же определенный, но деловой подход б. президента С.-А. С. Штатов Рузвельта, „что делать Америке, когда она добудет последнюю тонну железа“, есть лишь отвлеченная мысль, которая ни жизнью, ни наукой не будет поставлена в этой резкой форме, но всегда и везде должна ставиться и перед жизнью, и перед наукой.

„Конечны запасы природной энергии и природных богатств,—не расточай их, умей их использовать с максимумом пользы и научись их заменять раньше, чем природа откажет тебе в своих дарах“—таков лозунг современной экономики, и в нем сплетаются запросы жизни и глубочайшие проблемы науки.

От запасов ископаемых горючих наука переходит к другим мировым источникам энергии. В белом угле, в падающей струе воды водопадов и порогов она находит себе вторую могучую силу: свыше 600 миллионов лошадиных сил человек сможет подчинить себе в этих струях, он ими заменит 6 миллиардов рабов и половину ежегодно сжигаемого угля. Но при современном росте промышленности, при расширении его потребностей эти цифры слишком малы и ненадолго они удовлетворят человечество.

Солнце—вот третий источник энергии; на 1 кв. метр в средних широтах падает энергия, равная одной лошадиной силе: на одну Сахару падает энергии в 10 тысяч раз больше, чем все потребности современного человечества. Вот где источник огромных сил, область новой научной работы!

Солнечный луч упорно еще не подчиняется человеческой воле; только 0,12 энергии его сохраняется в растительном организме, ничтожен процент его использования в новых установках Калифорнии и Алжира.

Ветер—еще новый необузданный источник энергии земли: в десять тысяч раз превосходит он сжигаемый ежегодно уголь, но и он еще не схвачен в цепкие руки науки, и только в последних успехах авиации и техники нам раскрывается будущее этой могучей силы.

Но не успокаивается ищущая мысль на этих источниках энергии: неустанно борясь за их овладение, она пылливо смотрит в глубины самого вещества и неожиданно вокруг себя видит новые, небывалые по величине источники энергии. Частицы радиоактивных веществ, разлагаясь, несут на себе эти массы энергии; все вещества, вся природа, сложенная из мельчайших своих элементов, оказывается грандиозным скоплением мировой энергии, и современная физика уже приоткрыла нам этот новый мир. Разве сравним с порывом ветра и солнечным лучом эти скопления энергии внутри каждого атома окружающей природы и разве человек не овладеет величайшим богатством мира, когда он сумеет овладеть тайнами этих сил?

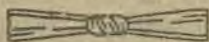
Современные идеи показывают, что один килограмм угля содержит не те 7000 калорий, которые используются нашей техникой, а 23 миллиарда калорий: как велики были бы достижения человеческого гения, если бы он сумел одним фунтом угля поддержать движение 3 поездов в течение двух лет на расстоянии между Москвой и Петроградом (600 верст).

И научившись владеть силами природы, заложенными в мироздании и в нем самом, человек подойдет к овладению и самой большой силой, которая в руках человечества,—его творческой мыслью: в электромагнитных колебаниях мозговых клеток человеческого гения будущее найдет самый могучий

источник энергии, разрушающий все преграды, уничтожающий пространство и время, подчиняющий себе и природу, и жизнь.

Медленны, но неуклонны пути научного творчества; в овладении природой и ее тайнами видит наука свое будущее служение человечеству, в ее великих достижениях и видит сам человек величайшую силу природы.

В тяжелые годы экономических потрясений, в годы строительства новой жизни, не забудем этих великих истин и призовем к свободному научному творчеству всех, кто хочет и может строить светлое будущее, сплетая науку и жизнь!

А. Тиллиризов.

Можно ли использовать внутриатомную энергию?

В сентябре 1921 г. английские газеты возвестили миру, что на съезде британской ассоциации, к голосу которой внимательно прислушиваются ученые всего земного шара, зашла речь о возможности использовать несметные запасы внутриатомной энергии. Возможность получить громадное количество энергии, разлагая искусственно атомы какого-нибудь небольшого куска металла или горной породы, является, бесспорно, одной из самых заманчивых задач, когда-либо встававших перед учеными. В сравнении с ней мечты средневековых алхимиков о „философском камне“ кажутся детской забавой.

Газета „Таймс“ заканчивает краткую заметку о только-что открывшемся съезде воззванием к патриотизму английских ученых: „Тайна использования атомной энергии должна быть передана только английскому правительству, и тогда Англия овладеет всем миром“.

Как и следовало ожидать, газетные известия, и в особенности, подробности, сообщенные „Таймсом“, оказались сильно преувеличенными: о практическом использовании внутриатомной энергии, пока еще не может быть и речи. Но, в виду того громадного интереса, который представляет собой эта увлекательнейшая область науки, будет уместным познакомить широкие круги с тем, как мы узнали, что в атомах любого вещества таятся огромные запасы энергии, и как в последние 2—3 года ученые начинают прокладывать путь к овладению этими запасами.

Прежде всего, приведем подлинные слова английского физика Ричардсона, произнесенные на упомянутом съезде речь об успехах физики за истекший год; именно эти слова и привлекли к себе всеобщее внимание. „Количества энергии, которые были освобождены при искусственном раздроблении ядра (центральной части атома), сами по себе малы, но огромны по сравнению с ничтожным количеством разложенного вещества. Если этот процесс можно в достаточной мере усилить, то, повидимому, перед нами две возможности: или эти процессы окажутся вне нашей власти,—тогда наступит конец для нашей планеты, или мы ими овладеем. Если же эти процессы могут быть усилены и мы будем в состоянии их регулировать, то в нашем распоряжении окажутся почти что неограниченные источники энергии, которые превзойдут все, до сих пор известное. Еще слишком рано говорить, можно ли осуществить на практике необходимые для этого условия, но я не вижу в составных частях этой задачи ничего такого, что позволяло бы отрицать возможность ее разрешения. Возможно, что мы живем в начале

новой эпохи, которую назовут эпохой внутриатомной энергии. Мы не можем этого утверждать, одно лишь время даст ответ“.

Эти слова Ричардсона относятся к замечательным опытам Рутерфорда, которому удалось разложить атомы азота, алюминия, натрия и целого ряда других простых тел, действуя на них ударами частиц, разлетающихся из радиоактивных веществ. Радий и еще несколько других, так-называемых радиоактивных веществ, отличаются тем, что их атомы взрываются и в результате ряда последовательных превращений, последовательных взрывов, вместо радия у нас получается газ—гелий, который в семь раз легче воздуха, и обыкновенный тяжелый металл—свинец. Таким образом, оказалось, что металл радий построен из свинца и гелия.

При взрывах атомов радия более легкие из получающихся осколков— атомы гелия—с громадными скоростями разлетаются в разные стороны от места взрыва. Благодаря этим громадным скоростям, действие каждого атома может быть доступно непосредственному наблюдению. Для этой цели помещают еле заметную глазу крупинку радиевой соли на кончике иглы, смазанной клеем и ставят эту иглу на расстоянии нескольких миллиметров от небольшой пластинки, покрытой слес сернистого цинка. Если в хорошо затемненной комнате мы будем рассматривать эту пластинку через увеличительное стекло, то мы увидим, как то и дело на пластинке вспыхивает и гаснут маченькие искры. Эти искры—результат ударов атомов гелия, вылетающих с громадной скоростью из взрывающегося атома радия.

Виллиам Крукс, который еще в 1903 году построил этот несложный прибор, названный им „спинтарископом“, что значит „наблюдающий искры“, и легко помещающийся в жилетном кармане, следующим образом объяснял возможность видеть, с помощью небольшого увеличительного стекла, след удара одного атома. Бросьте в пруд,—говорил он,—горсть песчинок; если они будут попадать в воду далеко от вас—вы перестанете различать их глазом, но круги, которые побегут от них по воде, будут легко заметны издали. Вследствие огромной скорости, каждый ударяющийся атом производит сильное возмущение на сравнительно большом протяжении вокруг места удара на сернистом цинке, а возмущение это сопровождается выделением света. Считая число искр, вылетающих из известного нам по весу, хотя бы и очень малого количества радия, за определенный промежуток времени, мы можем подсчитать, сколько атомов гелия выделится из любого количества радия в любой промежуток времени; а собирая и измеряя об'ем газа гелия, выделившегося из определенного количества радия—для этого удобнее взять радия побольше, мы узнаем, в каком об'еме помещаются подсчитанные нами атомы. Другими словами, мы узнаем, сколько атомов находится в кубическом сантиметре данного газа. Выполненный, таким образом, подсчет, основанный в буквальном смысле на пересчитывании отдельных атомов, точнее—производимых ими вспышек, подтвердил самым блестящим образом все прежние подсчеты физиков, определявших количество атомов в кубическом сантиметре какого-либо газа и пользовавшихся при этом порой весьма сложными приемами. Поэтому теперь даже наиболее осторожные ученые говорят, что существование атома в такой же мере достоверно, как существование солнца, луны и всего того, что мы видим на нашем земном шаре.

Однако, нас сейчас интересует не эта сторона дела. Мы имеем возможность наблюдать действие каждого отдельного атома только потому, что эти атомы гелия—осколки атомов радия—разлетаются после взрыва с огромной скоростью, а это значит, что в атоме радия был запас энергии,

который и проявляется в самом факте взрыва и его последствиях подобно тому, как химическая энергия пороха или другого взрывчатого вещества проявляется в разрушительной работе взрыва. Вот эта энергия летящих с громадной скоростью снарядов—атомов гелия—и представляет собой вышедшую, так сказать, наружу внутриатомную энергию, о которой идет речь у Ричардсона. Остается выяснить, как велико количество энергии, испускаемое одним граммом радия в час, в сутки, в год? Как это сделать? Если мы поместим радий в свинцовую коробку, то осколки распадающихся атомов его будут, ударяясь о стенки, нагревать всю коробку. Энергия движения превращается в тепло, подобно тому, как кузнец ударом молота может разогреть железную полосу.

Измерение выделяемого таким образом тепла показало, что один грамм радия в час дает около 100 малых калорий (точнее 134,4). Это такое количество тепла, которое один кубический сантиметр воды, т. е. количество, свободно помещающееся в наперстке, может нагреть от нуля градусов до кипения. Весьма любопытно, что можно было вперед подсчитать, какое количество калорий получится. Для этого измеряют скорость летящих атомов гелия, что делается теперь без особого труда. По скорости, по массе и по числу их, полученному из наблюдений, произведенных с помощью „спинтарископа“, вычисляют энергию этих маленьких снарядов так же, как это могут сделать артиллеристы для своих и переводят, наконец, полученную энергию в калории: получается почти то же число, т. е. 100 калорий. Этот, совершенно независимый от измерения выделяющегося тепла, подсчет показывает, что большая часть—около 92% выделяемой радием энергии приходится на долю ударяющихся в свинцовую оболочку атомов гелия, остающиеся 8% приходятся на долю выстреливаемых радием электронов мельчайших частиц, входящих в состав каждого атома и заряженных отрицательным электричеством ¹⁾ и так-называемых, гамма-лучей (особый вид лучей Рентгена). Теперь спрашивается, как быстро идет процесс распада атомов радия? Сколько их взрывается зараз? Измерения убыли радия с течением времени показали, что на каждые 100 миллиардов атомов в каждую секунду взрывается только один! При таком ходе дел от одного грамма радия останется половина только через 1850 лет! Само собой разумеется, что через 1850 лет и количества тепла, выделяемого им, будет не 100, а только 50 калорий в час. Все эти данные приводят к тому, что при распаде всех атомов радия, заключенных в одном грамме, выделится три миллиарда семьсот миллионов малых калорий тепла.

При естественном ходе этого процесса атомного распада половина этого количества, как мы видели, выделится в течение 1850 лет. В начале этого промежутка один грамм радия даст нам столько энергии, сколько ее требуется, чтобы вскипятить наперсток ледяной воды в один час, а в конце только пол-наперстка в час. Все попытки ускорить или замедлить этот процесс не привели ни к чему. Радий замораживали до 270° и нагревали до 3500°—все равно процесс распада продолжает идти тем же ходом.

А ведь если бы нам удалось всю энергию, которая заключена в одном грамме радия, занимающего об'ем около одной шестой кубического сантиметра, израсходовать не в 2000 лет, а в две недели, то мы могли бы этим количеством заставить работать день и ночь двигатель в 5 лошадиных сил в течение этих двух недель! Кубического сантиметра этого удивительного топлива хватило бы для работы пятисильного двигателя на три месяца не-

¹⁾ Атомы гелия заряжены положительным электричеством.

дрерывной работы! Таким образом, атомная энергия—не плод фантазии ученого, это прочно установленный наукой факт, но пока что—мы не можем ею еще управлять; мы не можем ее израсходовать в желательный для нас короткий срок, а сама природа отпускает ее нам, выражаясь грубо, в час до столовой ложки!

Открытие, сделанное Рутерфордом в 1919 году, и последовавший затем ряд его работ и работ его учеников, выяснили путем опыта, что этими огромными запасами энергии обладают не одни только атомы радиоактивных тел, что любой атом любого вещества заключает в себе огромный запас энергии, а главное, что, если мы еще и не умеем ускорить распад атомов радия, то зато мы можем заставить с помощью радия распадаться атомы других веществ, которые сами собой не распадаются, и при этом заставить их выделять свою атомную энергию—правда, пока еще в ничтожном количестве.

Здесь опять главным орудием в руках Рутерфорда оказался тот же открытый Круксом метод наблюдения отдельных атомов, т.-е. метод „спинтарископа“.

Надо заметить, что искры, вызываемые ударами атомов в слое сернистого цинка, видны не при всяком расстоянии этого слоя от радиоактивного препарата. Если атомам гелия прежде, чем они попадут на пластинку, покрытую сернистым цинком, приходится пролетать значительную толщину воздуха, то скорость их движения замедляется, и они перестают вызывать свечение при ударе. Оказывается, что нужна некоторая минимальная скорость движения атома, чтобы он был в состоянии вызвать свечение. Это позволяет определять с относительно большей точностью так-называемый „средний пробег атома“, т.-е. то расстояние, которое он может пролететь, двигаясь в воздухе и сохраняя при этом еще способность вызывать свечение сернистого цинка. Этот пробег имеет различную величину у различных радиоактивных веществ, в зависимости от скорости, с которой эти осколки разлетаются от места взрыва радиоактивного атома. На измерении этого пробега основан способ распознавания тех или других радиоактивных веществ. Уже в 1914 году Рутерфорд и Гейер поставили опыты, в которых в 4 раза более легкий газ—водород—подвергался непрерывной бомбардировке атомами гелия, вылетающими из радиоактивного препарата. Они рассуждали следующим образом: если атом гелия ударится о более легкий атом водорода, то он должен будет сообщать этому более легкому атому большую скорость, а так как средний пробег в очень сильной степени зависит от скорости, то следовательно, „водородные искры“ мы будем видеть даже в том случае, когда мы экран с сернистым цинком отодвинем на значительно более далекое расстояние, чем свободный пробег атомов гелия. Предположения эти самым блестящим образом оправдались. Свободный пробег в воздухе для этих водородных частиц оказался в 29 сантиметров, тогда как для атомов гелия он был всего 1, при чем и с количественной стороны пробег в 29 сантиметров оказался таким, каким его ожидали, учитывая механизм столкновения двух атомов. Однако, искры, получающиеся на сернистом цинке под влиянием ударов атомов водорода, оказались слабее—это на первых порах усложнило работу, но зато при некотором навыке, без труда, по внешнему виду искры, стало возможным определять, какой именно атом мы наблюдаем: атом гелия или водорода.

Когда методика наблюдения этих слабых искр была установлена, выяснилось, что водородные искры появляются в некоторых случаях и тогда, когда подвергаемые бомбардировке

тела не содержат водорода. Таким образом, было установлено, что из атомов азота бомбардирующие их атомы гелия выбивают атомы водорода, т. е. было установлено искусственное разложение атома азота. За азотом последовал длинный ряд других элементов, что заставляет думать, что разложение атомов всех вообще элементов—вопрос времени.

Для интересующего нас вопроса особенно важны самые последние работы того же Рутерфорда—работы 1921 года; они именно и заставили Ричардсона высказать те слова, которые приведены в первых строках настоящей статьи. Измерения свободного пробега показали, что свободный пробег атомов водорода, выбиваемых атомами гелия из азота и, в особенности, из алюминия, значительно больше того, который получается при бомбардировке водорода. Это показывает, что скорость атомов водорода, выбиваемых из других атомов, больше той, которая получилась бы непосредственно от удара при бомбардировке их гелием. Внутри атома азота, алюминия или какого-либо другого из разбиваемых атомов, у их составной части водорода был уже запас энергии. К нему присоединяется та энергия, которая сообщается при столкновении. Мы, таким образом, опять подходим к внутриатомной энергии. Разница в пробегах получается следующая: свободный пробег водородных атомов, как мы видели, равен 29 сантиметрам; для водородных атомов, выделяемых из алюминия, он равен 80 сантиметрам. На основании этих цифр Рутерфорд показывает ¹⁾, что освобожденная энергия из атома алюминия составляет 25% энергии разбившего его атома гелия. Таким образом, на равное число атомов алюминий дает в 4 раза меньшее количество энергии, чем радий. Но так как атомы алюминия почти в 10 раз легче атомов радия, то, рассчитывая на один грамм, мы получим в 2 с лишним раза больше энергии, чем для радия. Не будем, однако, забывать, что скорость, с которой идет этот искусственно вызванный процесс разложения атомов, нерадиоактивных тел, еще меньше, чем в естественном процессе распада атомов радия. Подсчет числа водородных искр, получаемых из бомбардируемого атомами гелия азота, показывает, что далеко не при каждом столкновении атома гелия с атомом азота выбивается атом водорода. Это случается очень редко: в одном случае из 300.000, так как для разбивания атома, видимо, требуется попасть в определенную уязвимую, так сказать, часть атома. Поэтому, в частности для азота ²⁾ искусственно вызванный рукой человека процесс атомного разложения и выделения атомной энергии пока еще в 300.000 раз медленнее естественного процесса разложения атомов радия, управлять которым мы не умеем, но который нам необходим для получения искусственного разложения других нерадиоактивных атомов.

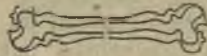
Отсюда ясно, что говорить о практическом использовании атомной энергии еще очень рано, но несомненно одно, что эти огромные запасы энергии—реальный факт, а за последние 3 года современная наука сделала очень крупный шаг вперед; удалось добиться искусственного

¹⁾ Конечно, еще предстоит упорная работа для окончательного доказательства, что эти частицы, вылетающие из алюминия, тождественны с водородными атомами, как это уже сделано для азота.

²⁾ В настоящее время выделение водородных частиц установлено при бомбардировке атомами гелия следующих элементов: бор, азот, вольфрам, натрий, алюминий, фосфор. У целого ряда других элементов появляются при бомбардировке частицы не водородные, природу которых еще не удалось установить; к этому ряду относятся: литий, бериллий, углерод, кислород, магний, кремний, селен, хлор, калий, кальций.

раздробления атома, сопровождающегося выделением пока еще ничтожно-малых количеств атомной энергии.

Заманчивая картина, которая открывается в будущем, если мы овладеем этой энергией, уже неоднократно вставала перед людьми науки. Давно уже высказываются опасения, что запасы топлива, доставляющие энергию для все более и более растущей промышленности, быстро убывают, что этого топлива на земном шаре вскоре не будет хватать. Возможность использования атомной энергии сразу устраняет мрачные последствия этой грядущей нехватки топлива, нехватки необходимых для культурной жизни человека запасов, заключенной в этом топливе, энергии. Это ясно представил себе профессор Содди—первый из людей, увидевший своими глазами выделение атомов одного элемента—гелия из атомов другого элемента—радия,—это было в 1903 году. Он высказал эту мысль в следующей сжатой форме: „В будущем или будет разрушена вся наша цивилизация, или будет разрушен атом“. Содди оказался прав—атом разрушен. И не знаменательно ли, что пути, которые ведут нас к неисчислимым новым запасам энергии, овладение которыми даст человечеству такие возможности, перед которыми бессильна самая необузданная фантазия, открываются именно теперь, в эпоху величайшей социальной революции, которую когда-либо видела наша планета.

Л. С.

Научно-музыкальные новости.

Последние годы характеризуются (начиная с 1912 года, приблизительно) тем большим вниманием, которое стали уделять вопросам научно-музыкальным. Не только в тесном смысле „теория музыки“ расцвела в России, подвинутая монументальными трудами вроде Танеевского исследования о контрапункте, но какой то особый интерес приобрели область применения научной техники в искусстве и чисто научно-исследовательский подход к музыке, с точки зрения акустики, физиологии и психологии. И без того склонный к теоретической мысли в области музыки, русский музыкальный мир за эти последние годы обнаружил какой то особый прилив интереса ко всем этим вопросам. Не подлежит сомнению, что именно благодаря этому повышенному интересу стали возникать, газвнваться и укрепляться у нас учреждения, вроде уже известной „теоретической библиотеки“, а при водворении в стране Советской власти,— все эти теоретические образования получили серьезную поддержку правительства, пошедшего навстречу музыкально-исследовательской мысли и учредившему при Муз. отделе особый „академический отдел“ для разработки вопросов применения науки, техники и теоретической мысли к музыкальному искусству.

И мы видим, что несмотря на громадные трудности, представляемые тяжелым экономическим положением страны — шаги научной мысли в области музыки были очень велики, во всяком случае более значительны, чем в любом ином искусстве. Трудно в пределах небольшой заметки дать точное представление о этих вопросах, тем более, что большая часть их — очень специальные, но среди них есть несколько таких, которые приобретают интерес уже не только в узких кругах музыкальных специалистов или в технике художественного строительства, а становятся в ряд тех „боевых“ открытий и изобретений, за которыми с интересом может следить самая широкая публика.

Одним из таких изобретений надлежит считать нашу шумевшую в последнее время „Радио музыку“ Л. С. Термена, который работал вначале под руководством проф. Иоффе в Петрограде, а потом самостоятельно, являясь сотрудником основанного в Москве Государственного института музыкальной науки.

В сущности, изобретение Термена, как большая часть изобретений, если в него вникнуть—и не „ново“ и не принадлежит ему лично. Роль изобретателя как

и в большинстве исторических случаев — только в остроумном применении того, что уже было известно ранее. Когда изобретение сделано — начинает казаться, что и нечего было изобретать — так все просто. Однако до Термена никто так определенно не поставил вопрос, простой и ясный — о непосредственном применении принципа интерферирующих электрических контуров к **музыке**, как к искусству.

В этом его заслуга. До него все было известно, — и интерферирующие контуры, и катодные лампочки и способ получения каких угодно звуков таким путем. Но все эти вещи применялись к чему угодно, и к измерению микроскопических расстояний, и к взвешиванию бесконечно малых тел — но не к музыке. А дело было очень простое. Ведь и паровоз — тоже простое дело. Надо только догадаться поставить паровую машину на колеса. Таковы все изобретения. Поэтому тщетны и напрасны все попытки представить изобретение Термена, как что то не его собственное, заимствованное. Несомненно, он ввел в музыку этот новый элемент — возможность электрического звукоизвлечения, в художественных (а не только в лабораторных) целях.

Мы не будем подробно объяснять, в чем самый способ получения звуков у Термена. Это вопрос довольно специальный и сложный. Сущность его изобретения сводится к тому, что он создает инструмент, в котором изменение высоты тона, в самых широких пределах — достигается простым передвижением руки по воздуху, без всякого соприкосновения с каким либо „грифом“, или, при желании — с таким соприкосновением, но без всякого „механизма“, без всего того посредствующего, что во всяком прежнем музыкальном инструменте всегда вставало средостением между психикой играющего и самим звуком. В этом смысле „научный“ инструмент Термена является „демеханизацией“ музыки — результат совершенно неожиданный от приложения техники к искусству, ибо до сих пор вообще всякое приложение техники к искусству всегда сопровождалось умножением именно этих посредствующих между психикой и звуком звеньев.

Но область электричества отличается от всех иных именно своей небывалой эластичностью, способной воспринимать и выполнять какие угодно технические задания с легкостью, недостижимой в механических приборах. Вот эта то эластичность, свойственная всем электрическим установкам, принадлежит в высшей степени прибору-инструменту Термена. Трудно даже предвидеть, что только с этим инструментом по возможно сделать. Он настолько необъятен по своим возможностям (теоретически), что воображение останавливается в растерянности. Я должен сказать, что то, что **пока** сделано Терменом, есть только слабый намек на будущие возможности инструмента. Пока он кладет центр тяжести своего изобретения в то, чтобы получить звук движением руки без всяких смычков, молотков и прочего механического дреколя. Но это — ничтожная часть тех заданий, которые может и **должен** выполнить этот инструмент. И в этом смысле можно говорить об **эпохе**, которую он открывает в искусстве.

Я укажу вкратце на те перспективы, которые обещает инструмент, или, вернее, „прищип“ Термена. Передача музыки на расстоянии, одновременная игра, при том художественная, вполне индивидуальная — в нескольких помещениях и даже городах, возможность подражания тембру какого угодно из существующих инструментов и создание новых, небывалых тембров, возможность при этом точнейшей (тоже электрической) — записи игры и воспроизведения ее, уже без участия самого играющего (своего рода электрокопия), возможность создания инструмента, совмещающего в себе весь оркестр и даже некий „ультра-оркестр“, возможность обогащения музыкального звукоряда новыми звуками, не употребляющимися пока в музыке (построение инструментов с более нежели 12-ю звуками в октаве или, так называемых, „ультра-хроматических“ инструментов) — и наконец — ко всему этому гибкая электротехническая связь, позволяющая придать этому инструменту **любой** тип технического воплощения. Он может быть как скрипка, со свободной интонацией и грифом, может быть клавиатурным, как рояль, может быть каким нибудь совершенно иным, прежде небывалым, заново изобретенным. И при этом со стороны исполнителя устраняется необходимость брать на себя всю „динамику“ исполнения. Вполне управляя динамикой, с тонкостью и с послушностью, невозможной в прежних инструментах — исполнитель вовсе не должен, давая сильный звук, тратить свою собственную силу — сила электричества к его услугам. Я прибавлю к этому, что прибор очень способен к максимальной портативности и может при всех своих свойствах, по объему быть меньше любого рояля.

То, что сделано пока — конечно, очень далеко от всех этих несомненных возможностей. Пока это довольно скромный инструмент, на котором можно играть (с довольно приятным, хотя мало красочным звуком) простые вещи одного-

лосного характера. Техника у него еще не выработана, да в таком его состоянии се не следует и вырабатывать и подождать до его усовершенствования. Сейчас надо иметь небольшую музыкальность, чтобы на нем играть прилично, но только очень простой репертуар.

Конечно, **не этот**, ныне всюду и с великим шумом демонстрируемый Термоном, прибор явит собою эпоху и переворот в музыке, а его довольно отдаленный потомок. Я должен упомянуть о том, что изобретатель, к сожалению нашему, явно пошел по „халтурной“ дороге и всюду чрезмерно пропагандирует этого, еще вполне недоношенного, младенца. Этот инструмент не имеет за собою никакой будущности. Ведь будущность инструмента определяется его исторической преемственностью, наличием исполнителей на нем и **литературы** для него. Пока всего этого еще нет, и будет ли — это вопрос. Ведь история музыки показывает нам, как часто гибли очень интересные по звучности инструменты от отсутствия именно этих данных, хороших виртуозов на них и гениальной литературы. Мало изобрести инструмент—надо создать еще для него гениальную литературу, подобную той, которую имеют скрипка и фортепиано.

Вот почему мы полагаем, что чрезмерно радостные предсказания некоторых о том, что этот „терменофон“ вытеснит собою все инструменты—по меньшей мере легкомысленны. Как фортепиано не вытеснило собою скрипки до сих пор, так и „терменофон“ не имеет надежд вытеснить что бы то ни было, особенно если он будет пребывать в той стадии, как он сейчас, и если изобретатель его будет напирать на пропаганду в нем тех свойств, которые в лучшем виде имеются уже у других инструментов (у скрипки, напр.) Этот инструмент только тогда получит значение художественное, а не только значение курьеза, если он усовершенствуется до использования всех тех свойств, о которых ранее было упомянуто, если он станет полифоническим инструментом, с многообразными тембрами, с передачей звука на расстояние, с определенным типом техники игры, а не будет стремиться стать курьезной скрипкой, в которой нет смычка. И только в этом направлении он имеет и должен иметь будущее.

А. Калашиников.

Народное образование и производство.

Народное образование и народное производство являются теми двумя могучими факторами, которыми определяются культура и жизнь каждого народа. Разностно воспринимаемые и по отдельности описываемые, они, тем не менее, являются взаимно связанными формами социального бытия. Культура всего народа, а не отдельных его привилегированных групп, ее напряженность и высота измеряются шириной, интенсивностью и глубиной народного образования. Культура же, вырастая всегда на определенных экономических условиях, может шириться и развиваться лишь при улучшении народного благосостояния, которое, в конечном счете, формируется, как результат непрерывного повышения производительности всего общественного производства. И народное образование, создавая массовую культуру, является таким образом, тем первичным духовным производством, которое воздвигается на известной части избыточного труда—производства материального.

Но связь между культурой и производством существует не только причинная—генетическая, но и формальная. Достаточно проследить историю, чтобы убедиться в этом: культурные формы, идеологии, познавательные методы, а также и способы приобщения народа к культурным достояниям, другими словами—народное образование, всегда, в каждый момент исторического развития любого народа, отражает на себе в той или иной степени влияние производства и производственных отношений. Исследование целого ряда культур, чем либо отличающихся друг от друга, для объяснения их содержания, обязательно приводит нас к исследованию производственных отношений в обществе, создававшем данную культуру.

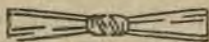
Но история до сих пор была историей господствующих классов, и культура, создаваемая ими, навязывалась народу, как нечто, в данный момент абсолютное, всеобщее, национальное. Поэтому строгого соответствия содержания культуры, в частности народного образования, с содержанием общественного производства мы в прошлые исторические эпохи не найдем: ибо эти культурные формы, распространенные на определенную, так или иначе географически связанную группу людей, чаще всего нацию, представляют собой творчество классов командующих, стоящих над производством и вкладывающих свое отношение к производству, свои чаяния и устремления, в культуру всего народа. И это резкой четкой линией проходит через всю историю развития культуры, причем сила этого основного положения об историческом содержании культуры подчеркивается той неустанной и напряженной борьбой, которую ведут господствующие классы за чуждую своей культуре, за ее верховенство в народе против других классов и групп, которые начинают творить свои культурные ценности и вводить свои организационные формы и новое содержание в динамику культуры народа. И чем ближе классы производящие, обычно классы подчиненные, становятся к организации общественной жизни, тем сильнее и ярче сказывается непосредственное влияние производства на культуру, ее содержание и смысл, на ее устремления и организационные формы. Начи-

нается крайне сложный процесс пропитывания идеологией производителей старых культурных форм; иногда новые формы ассимилируют старое содержание и перестраивают его по своему, при этом старая культура перерабатывается, из нее берется все ценное и живое, необходимое для развития культуры новой, отвечающей стремлениям нового класса, выступающего на поле истории...

Можно было бы проследить влияние различных групп производителей, получающих вес в историческом процессе, в различных областях культуры, но особенно отчетливо это заметно в сфере народного образования.

Народное образование среди других частей культуры является, с одной стороны наиболее могучим рычагом для проведения новой идеологии, ускоряющей процесс обновления общества, с другой—это есть оплот господства культуры старых отживающих классов в широких народных массах. Естественно, что производящие группы и классы, осознавшие самих себя, всегда стремились и стремятся овладеть в своей борьбе против господствующих, в первую очередь народным образованием и сделать его своим. Стремление это, конкретно выражаясь, принимает весьма различные формы в различные исторические эпохи; и эти формы определяются, в конечном счете, условиями труда производящих классов и их общественным бытием.

Нам чрезвычайно интересно выяснить—каковы могут быть пути строительства народного образования, как некоторой частной производной от общественного производства, в современную историческую эпоху и в частности, в Республике Советов; это мы и попытаемся сделать в дальнейшем.

П. С. Юган.

Российская академия художественных наук.

I.

Октябрьская революция пронесится освежающим вихрем не только в области материальных отношений. Еще более глубокое потрясение переживает чело веческое сознание, сложная и тонкая сфера идеологии.

И больше всего искусство. Оно „общедоступно“. В этом его сила. Но в этом и несчастье. Распространен взгляд, что искусство не требует специальных знаний, того напряженного подготовительного труда, каких требует, напр., наука или военная техника.

И если в первые дни Октября пламенная вера, двигавшая революцией заставляла вообще преувеличивать наши силы и возможности, если в первые дни нетерпеливое воображение сокращало сроки и не хотело видеть препон, стоявших на пути,—то, именно, в искусстве радикализм требований и необъятность притязаний сказались с особенной силой. Глубочайшие эстетические проблемы разрешались прямолинейно и резко. К прошлому подходили без надлежащих знаний, пути настоящего и будущего определялись с непростительным легкомыслием, открывались ежедневно давно открытые эстетические Америки. И неудивительно, что за эти четыре года погребены уже мириады теорий и мыслей, мелькнувших, как мотыльки, однодневной жизнью; рушились десятки опытов и начинаний во всех видах искусства, — начинаний, поглотивших не одну сотню миллионов рублей.

II.

Основательность, углубленная постановка вопросов—таков лозунг сегодня—шнего дня.

Уже давно возникала мысль о создании центра для глубокого изучения вопросов искусства и прежде всего для исследования художественных проблем, выдвинутых революцией. Еще три года тому назад создание такого центра было немислимо. Интересы мастерства и интересы художественно-политического про-

свещения масс казались непримиримыми. „Спеццы“ и „агитаторы“, „чистое“ и „политпросветское“ искусство стояли друг против друга „врагам наследственным подобно“. А между тем наиболее крупные теоретические умы прекрасно понимали необходимость нового подхода к искусству, независимо от того, к какому лагерю принадлежали они.

В наши дни эта необходимость стала еще более настоятельной. Революция пробила глубокую брешь среди „спецов“. Только косные и безнадежные еще могут отрицать, что необходимо осознать и осмыслить то небывалое, великое, что совершается на наших глазах. А самые пылкие „агитаторы“ за эти годы научились ценить значение мастерства в искусстве, убедились на опыте, что искусство может служить задачам революции только тогда, когда оно — подлинное искусство.

III.

Российская академия художественных наук имеет целью ответить упомянутой выше потребности. В состав академии входят наиболее выдающиеся теоретические силы всех видов искусства. Работа академии ведется в трех основных разрезах.

Первая группа исследований относится главным образом к материалу. Задача этого отделения — изучение вопросов, касающихся взаимоотношений искусства и науки. Здесь исследуются проблемы оптики, акустики, перспективы, движения, языка, стиха, а также органов восприятия. Рядом с художниками работают известные специалисты в области физики и химии. Ряд докладов акад. Лазарева, професс. Н. И. Успенского, Самойлова и др., был прочитан в специальных институтах с демонстрациями (как, напр., в физич. институте П. П. Лазарева). Постановка вопросов искусства в духе позитивного мышления является в высшей степени своевременной, открывает путь к сближению и взаимному пониманию между художниками и учеными, ведет к любопытным открытиям в деле научного объяснения темной области „святого вдохновения.“

Не менее значительные задачи ставит социологическое отделение, где преобладающее место отводится представителям марксистского миропонимания (Луначарский, Фриче, Богданов, Коган, Дейнике, Переверзов, Аксельрод и др.) Проблемы искусства, как социального фактора, исследуются в определенной системе. В работах отделения принимают участие историки искусства, как А. А. Сидоров, художники (Машков), архитектора (Желтовский, Шор) и др.

Отделение ставит на почву углубленного исследования, между прочим вопросы о взаимоотношениях между искусством и задачами Советской власти, и содействует обретению общего языка между художниками и государством. Академический обмен мнений (не в смысле оторванности от действительности, не в духе кабинетной абстрактности, а в духе спокойного и вдумчивого исследования насущнейших вопросов, выдвинутых моментом) позволяет научно подходить к вопросу художественной агитации и художественного производства.

Если первое, научно-психологическое, отделение служит делу сближения деятелей искусства и науки, то социологическое отделение имеет огромное значение в смысле объединения художественного мира с коммунистами и марксистами.

IV.

Третья группа, теоретическая, включает в круг своего исследования проблемы творчества, вопросы, относящиеся к самому творящему.

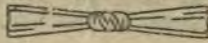
Материал искусства, социальная среда и художник — таковы три центра, вокруг которых группируются работы академии. В состав третьей группы входят, наряду с деятелями искусства, представители философской мысли и психологии (Шпет, Степун, Габричевский и др.)

Этот краткий обзор задач академии показывает, что перед нами ученый институт, всесторонне охватывающий дело исследования художественных проблем, поставивший это дело на высоту современных научных требований, являющийся порождением нашей революции, обвешанный ее освежающим дыханием.

Но академия преследует не только академические задачи. Она работает не только „на вечность“. Она имеет в виду стать авторитетным экспертно-консультативным органом государства, подвергать всестороннему рассмотрению вопросы художественной политики по заданиям Наркомпроса и давать по ним свои заключения.

Для осуществления задач академии, в составе ее формируются специальные секции и комиссии: по изучению крестьянского искусства (Щекотов), художественного производства (проф. С. Котляревский), литературная (Горшензон,

Брюсов, Гливленко, Шервинский и др.), библиографическая (А. А. Сидоров, анкетная (Н. В. Петров), музыкальная (Сабанев, Яворский, Шеншин, Брюсова и др.), театральная (Эфрос, Вахрушин, Мориц, Филиппов, Пиксанов и др.), изобр. искусств (Кандицкий, Вакушинский, Машков, Машковцев, П. Кузнецов и др.). Вокруг академии начинают группироваться научные институты, занимавшиеся исследованием отдельных видов искусства (Гос. инст. театроведения, институт худож. культуры, петроградский институт живого слова и др.). Объединение всей художественно-теоретической работы имеет большое значение не только в смысле экономии и целесообразного распределения сил, но и в смысле идейных результатов. Спокойная работа лучших художественных сил в учреждении, рожденном революционной Россией, является залогом того, что хаос, царящий в вопросах искусства, постепенно рассеется при свете научного исследования, что и в этой области мы вступаем на путь серьезного и вдумчивого творчества, на путь изучения многовекового опыта прошлого и задач настоящего.

И. Ф.

Народное просвещение в центральной Европе.

Военно-революционные годы тяжело отразились и на народном просвещении стран центральной Европы.

Война и революция нанесли особенно сильный удар мелкой буржуазии этих стран, из которой там пополнялись, главным образом, кадры студенчества. Результатом явилось невероятное его обнищание. Более 80.000 студентов не располагают и половиной прожиточного минимума: всякого рода пожертвования и пособия не могут спасти положения, так как имеют характер милостыни и угнетающе действуют на самосознание студенчества. Среди последнего возникает мысль о самопомощи. Студент идет к рабочему станку, устраивает всякого рода артели и мастерские, торгует за прилавком, становится посыльным, разносчиком, носильщиком, чернорабочим.

Наряду с экономическими выступают и другие вопросы. Студенчество добивается участия в правлениях университетов.

Образуется общегерманская студенческая организация, играющая видную роль в германской академической жизни.

Вопросы о характере университетского преподавания живо интересуют студенческие объединения. Они высказываются против все растущей его специализации и требуют, чтобы последней предшествовала длительная общеобразовательная подготовка, заключающаяся в ознакомлении с основными вопросами бытия, культуры и искусства.

На некоторых факультетах особенно резки протесты против лекционной системы и требования расширения семинарских занятий, которые считаются единственным плодотворным способом овладения научным материалом.

Таким образом, чрезвычайное ухудшение материального положения, все же не деморализовало германское студенчество и, вызвав его демократизацию и пролетаризацию, приблизило его к массам и массы к нему.

Вопреки тяжелым условиям современной немецкой жизни, количество студентов в немецких университетах увеличилось на 40%, так что сейчас насчитывается 85.000 учащихся в германских университетах. Особенно увеличилось количество женщин—на 122,9%.

Это явление характерно и для высших технических школ. Там число учащихся, по сравнению с последним мирным семестром, поднялось на

10.000 человек, т. е. на 77%. Но элемент мужской увеличился на 76,3%, а женский—на 278,7.

Эти цифры внушают некоторым органам германской прессы сильную тревогу за будущее этой высоко-квалифицированной интеллигенции в побежденной, сокращенной территориально, обнищавшей стране. Единственная надежда—эмиграция в страны, не страдающие перепроизводством интеллигенции.

Положение преподавательского состава также безотраднo. Особенно жалуется приват-доцентура. Она не добилась еще права участия в университетских советах, а нужда ее превышает еще студенческую. Особенно велика она в Австрии,—где приват-доцентов все время обходили прибавками на дороговизну. Это совершенно лишает их возможности отдавать свое время и силы научной работе.

„Deutsche Tageszeitung“ приводит следующие факты, характеризующие положение младшего преподавательского персонала австрийских университетов.

Георг Гиссинг, историк и филолог, автор ценных работ, до сих пор не утверждается в звании профессора из за недостатка средств для оплаты его труда. В настоящее время содержание, его равно 18.000 кр.—80 швейцарским франкам в год. В том же положении Диц, доцент эстетики, Герман Свобода, известный психолог. Другие еще в худших условиях. Так Кетлер, автор известных трудов по теории относительности и Штейн, византист, получают 6.000 крон и вынуждены искать побочного заработка.

Многих спасает от голодной смерти помощь скандинавских стран, другие, чтобы заработать на хлеб, вынуждены отдавать до 57 часов в неделю средним учебным заведениям, третьи—заниматься огородничеством и т. д.

Еженедельный заработок приват-доцента не превышает 360 крон, в то время как заработок неквалифицированного работника доходит до 2900—3000 крон.

Неприглядно и материальное положение учительства. Оплата его труда значительно уступает оплате в других отраслях. Не везде еще учителям, напр.—в Саксонии) выплачена прибавка на дороговизну с 1 августа 1921 г. А между тем, за это время покупательная способность немецкой марки упала на половину.

Учительство, таким образом, имеет все основания для волнения и протестов. Оно требует равноправия с прочими государственными служащими.

Неблагополучна немецкая низшая и средняя школа и в идейном отношении. Для республиканизации школы сделано пока очень мало.

Изменение политического строя страны должно было повлечь за собою и обновление состава германского учительства, в массе своей еще преданного традициям и методам монархии. Правительство пока ограничилось лишь удалением из учебных заведений портретов Гогенцоллернов и исключением из преподавания всего того, что являлось тенденциозным прославлением этой династии. Но этого мало. Представители прогрессивной германской педагогики требуют более глубоких реформ в преподавании, сводящихся к тому, чтобы в изложении истории народные движения и течения эпохи заняли то преобладающее место, которое до сих пор принадлежит отдельным историческим лицам.

Потребность в широкой, захватывающей реформе школьного дела, вообще, сильно чувствуется во всех германских странах. Но осуществление и проведение ее в жизнь невозможно без нового школьного работника. Отдельные страны германской федерации сделали в этом отношении больше

общегерманского правительства, не удосужившегося еще провести даже государственный школьный закон.

Так, в Пруссии к весне 1922 г. 50 учительских семинарий превратят в школы, в которых особенное внимание будет обращено на преподавание немецкого языка, истории, земледелия и вопросов религии. Один иностранный язык обязателен, другой—по свободному выбору. Срок обучения в этих учебных заведениях—шестилетний.

Специальное педагогическое образование будущие учителя получают по окончании этой школы в Педагогическом Институте, где наряду с общеобразовательными предметами, преподаются и специально-педагогические, теоретически и практически. Срок обучения в педагогическом институте—двухлетний. Институты эти состоят при университетах или существуют самостоятельно. Окончательно решено это будет с накоплением опыта.

Эта реформа далеко не идет навстречу пожеланиям германского учительства, но все же она составляет значительный шаг вперед.

До сих пор молодой человек, пожелавший стать учителем, лишался доступа в высшую школу. Сейчас он уравнивается с прочими учащимися средних учебных заведений в этом отношении. Затем, значительно сокращен и срок обучения.

Знатоки приветствуют и отделение специального образования от общего, что придаст первому большую серьезность и основательность.

Саксонское министерство просвещения разработало новые правила преподавания в высших классах средних учебных заведений.

В целях развития самостоятельности старших учеников и сознательного отношения к их будущему призванию, они разбиваются на группы, в которых преимущественное внимание отдается отдельным отраслям: изучению иностранных языков, математике, естествознанию и т. д. Выбор группы предоставляется учащимся. Ряд предметов обязателен в каждой группе: религия, немецкий язык, история, география, черчение, рисование и философская пропедевтика.

Все эти местные опыты—симптомы коренного преобразования школьного дела в общегерманском масштабе. Осуществления такой реформы властно требует жизнь, поставившая в Германии перед народным просвещением совершенно новые задачи и возбудившая сильное движение немецкой педагогической мысли.

И. Гроссман-Роцин.

Классовая педагогика и учительство.

(Статья первая).

В связи с новой экономической политикой народилось у нас общественное явление—„коммунистическая чеховщина“. Духовный меньшевик—с партийным билетом или без оно—пеет отходную социальной революции и утверждает, что новая экономическая политика делает беспочвенными все попытки к утверждению коммунистической культуры во всех областях жизни, в том числе и в педагогике.

Spody нет: появилась белая булка, жирная семга, а за ней вслед идет и потребует себе широких прав белая философия, жирная социология

и „либеральная“ педагогика. Этой тенденции надо дать решительный и мужественный отпор.

Надо сказать зычно и громко: чем более мы в области экономического строительства вынуждены уходить на крайне неудобные позиции, тем необходимее создание ударных групп культуры, тем чище, звонче должен звучать голос классовой культуры. Это не означает политики изгнания или хотя бы небрежного отношения к „спецам“. Это только означает, что мы должны глубже, всестороннее внедрить в сознание педагога ту основную мысль, что только классовое мировоззрение дает и способно дать синтетическое миропонимание и вывести из духовного тупика ту часть интеллигенции, которая не продала души своей „Желтому дьяволу“. Для выполнения этой задачи необходимо самим коммунистам подтянуться, отказаться от мертвенного догматизма.

Наблюдается жуткое и страшное явление. Воспитанники трудовой школы заражаются ядом животного индивидуализма. Формально и сухо усваивая кое-что из коммунизма, эти юные души на деле остаются вне подлинного, конкретного влияния коммунистической психологии. Беде помочь мог бы настоящий советский педагог. Но—увы!—таковых очень мало.

Многие, несомненно, усвоили глубоко и серьезно принципы трудовой школы. Но разве принципы трудового воспитания есть нечто характерное для Советской России?..

Принципы трудовой школы сами по себе несколько не новы и несколько не являются изобретением Советской России. Передовая американская педагогика давно уже оставила схоластический метод преподавания и не только перешла к наглядному, но и к трудовому принципу обучения. Главная особенность советской педагогики и школы заключается в том, что школа есть не только отражение, но продолжение и борьба за трудовой порядок, за коммунизм, школа освещает принципы классовой борьбы.

Там, на Западе, смятение и злоба неизбежная: не удалось задуть и загасить очаг мировой революции—Советскую Россию. У нас скорбь и смятение великое: „не удалось“ воплотить сейчас же начала коммунизма. Там—пропаганда индивидуализма и национализма, у нас—пропаганда коммунизма и интернационализма. Ясно, что формально-педагогическое сходство либерально-трудовой школы с пролетарской—только ярче оттеняет социальную их противоположность.

Американский педагог может, конечно, подготовить крепких духом и инициативой юношей, но педагог не только бессилен преодолеть давление и классовые противоречия социальной среды, но и в самой школе то нет ни фактической возможности, ни субъективного желания выработать борца и строителя нового общества—гармонии труда и настоящей свободы. Хорошо еще, если ультра-гуманитарный учитель не занимается просто насаждением „культы“ частной собственности. Отсюда ясно, какое огромное значение имеет мировоззрение учителя. Многие склонны упрекать в непримиримости на том основании, что всегда-де отдают предпочтение учителям-коммунистам. В этом ропоте ясно проявляется безнадежное непонимание сущности советского строя и его культурно-духовных запросов. Странное явление: никто не считает язычника способным приготовить к духовной жизни христианина! Странно было бы полагать, что усердный христианин успешно подготовит мысль и душу ребенка к восприятию советского, атеистического миропонимания! Почему же вы удивляетесь, господа, когда вам говорят, что самый образованный и ученый педагог старого мира неспособен творить волю, культуру, красоту нового общественного строя? Скажут: мы не о белогвардейцах говорим, речь идет о прогрессивных, об-

разованных, социализму сочувствующих педагогах, которые все же наталкиваются, если не на полное недоверие, то на скептическое к себе отношение. Объяснимся. Раньше всего укажем на тот несомненный факт, что Советская Россия использует все бодрое, здоровое педагогического мира: сотни педагогов работают трепетно, с увлечением на ниве советского просвещения. И все же надо сознаться, что подлинными работниками-творцами, а не ремесленниками, могут быть только те, которые почувствовали подлинное отвращение к старому миру и полюбили сердцем и помыслами не только идеальное представление о мире грядущем, но и ту классовую борьбу, без которой разговоры о будущем являются сладеньким, хиленьким сюсюканьем провинциальных мечтательных дев. Да, мало одного отречения от кумиров старого мира! „Зачем мне знать, от чего ты освободился, скажи, для чего ты освободился“.. Каждый общественный строй создает по образу и подобию своему школу, свою коллективную душу и своих педагогов, творцов этой души.

Что получается на деле? Педагоги бессознательно, даже не по злой воле—вырывают жало классовой борьбы, оставляя мертвенную, формальную сторону дела—принцип трудового воспитания.

Школа отрывается тогда от живой, конкретной, кровной связи со всей борьбой. Школа „американизуется“. О вредных сторонах этой „американизации“—в другой раз. Сейчас же нам хотелось бы сказать еще несколько слов о классовой точке зрения.

Либеральные соловушки поют песни о том, что не надо смущать детскую душу ледяными зрелищами жестокой классовой борьбы: „дайте детской душе окрепнуть в любви к природе, человечеству, цивилизации, не навязывайте ей извне мировоззрения, оставьте ребенку свободу выбора. Да и не правомерно говорить о классовой точке зрения, вместо научно-объективной, общечеловеческой“. Замечательно то, что даже архи-либеральная фереровская утопически-анархическая школа изгоняет классовую точку зрения во имя самоопределения индивидуума, во имя выработки человека. Борьба за выявление свободной человеческой природы—таково ядро всех антиклассовых направлений в педагогике. Все это было бы очень хорошо, да беда только в том, что каждая почти школа имеет свое представление о сущности пресловутой человеческой природы. И замечательнее всего то, что в основу этих споров ложится классовое различие. Аристотель предполагал, что в свободе выявляется „природа“ далеко не всех народов, некоторые из них рождены для рабства. „Многие, теряя свое ярмо, теряют самое лучшее, что у них есть“,—говорит Ницше. Человек рожден рабом, только цивилизация делает его свободным,—говорят одни. Человек рожден свободным, только цивилизация его порабощает,—говорят Руссо, Рескин и др. Очевидно, что с этой природой человека происходит что то неладное. Определенное представление о природе человека присуще каждому мировоззрению,—марксизму, анархизму, католицизму,—но потому то и нельзя на шаткой базе „природы“ построить научное мировоззрение.

Исторически мы знаем, что идею абстрактного человека выставила буржуазия в эпоху своего расцвета, и, кажется, неловко повторять оскомину набившую истину о том, что этот абстрактный человек был грядущий капиталист и „самой природой“ освобожденный от орудий производства пролетарий. Идея об абстрактном человеке питается еще и корнями христианства и нашла свое блестящее выражение в педагогических трудах гениального Пирогова.

Конечно, незачем тревожить тень покойного Пирогова, чтобы доказать и показать классовый характер—греческой, феодальной и буржуазно-либеральной школы и педагогических систем.

Но мы считаем нужным обратить внимание на статью Пирогова потому, что перед нами лучший сын старого мира, соединяющий горячее сердце с великим научным умом. И этот великий ум натолкнулся на трагедию буржуазной культуры только потому, что никак не мог выбиться из рамок существующего авторитарного строя.

Пирогов проникновенно, с глубокой печалью и скорбной думой останавливается на том факте, что вся наша культура в основе лжива и лицемерна: с одной стороны, для нас, как для христиан, обязателен закон любви, а на деле мы живем в царстве языческой лжи и ненависти, вражды и торгашества, коснем в „паганизме“.

Где же выход?.. Надо, чтобы наша школа открыла молодежи глаза на эту двойственность, выработала бы свободного человека. Надо выработать твердые убеждения. „Без воли нет убеждений, без убеждений нет борьбы, а без борьбы все ничтожество и пошлость“. Эти слова примечательны во многих отношениях: автор кладет волю в основу выработки убеждения и в этом отношении в сильнейшей степени приближается к волюнтаризму. И какой же революционер откажется подписаться под золотыми словами великого Пирогова о том, что без борьбы все—ничтожество и пошлость?..

Какие же, однако, шансы у Пирогова на то, что молодежь в победоносной борьбе положит конец мучительной двойственности культуры и вытеснит варварский закон насилия напором христианского милосердия и любви?.. Казалось бы, что ответ Пирогова ясен: борьбой с языческим порядком, лицемерно прикрываемым мантией христианской любви. Но здесь то и выступает с поражающей яркостью классовая подоплека идеологии Пирогова. Мы, революционеры, склонны были делать тот вывод, что Пирогов зовет к борьбе с существующим общественным строем. Ничуть не бывало. Пирогов говорит: „Ход общественного развития и темп его предопределен Провидением и не отдельным личностям изменить его“.

Какие изумительные слова! Уж не говоря о том, что Пирогов почти кощунственно взваливает на Провидение ответственность за зло общества,— вас поражает главным образом тот факт, что Пирогов, этот апостол воли, этот активист, делается внезапно фаталистом, как только речь заходит о борьбе с существующим строем. Чем дальше в лес, тем больше дров: может быть, Провидение милостиво позволит классу то, что запрещено личности, — изменить „ход общественного развития“. Нет! Задача идеологии и просвещения заключается, видите-ли, в том именно, чтобы каждый класс осознал, что ему надо выполнять свои общественные функции и не выходить из пределов, установленных данным общественным строем.

Трудно найти более изумительную иллюстрацию почти трагической порабощенности великой мысли классовым интересом определенной общественной формации.

Удивительно ли, что Пирогов так и не выходит из сети мучительных противоречий! Здесь то и открывается буквально трагедия Пирогова. Но не ясно ли, что здесь трагедия вовсе не коренится в столкновении идеальной человеческой природы с низменной „внешней средой“?.. Не ясно ли, что „трагедия“ целиком вызвана ограниченностью социального кругозора и неумением и нежеланием найти выход из тупика в учете сил нового обще-

ственного класса? Можно спросить: не есть ли всякая трагедия, ведущая к пессимизму, результат непонимания идеологом количества и качества новых нарождающихся социальных сил?..

А между тем, как был бы поражен сам Пирогов, если бы ему указали, что его свободная, „общечеловеческая“, архилиберальная и для своего времени действительно прогрессивная идеология на деле отражает структуру и „хотение“ господствующего класса! Ученые и псевдо-ученые люди уши прожужжали шаблонной истиной о том, что культура-де общечеловечна. Изумительный образец гимназического недомыслия!

Разве мы это отрицаем?.. Каждый класс, великий класс, ставит себе общечеловеческие, а не узко-шкурнические задачи. Но вопрос в том, под чьим влиянием разовьется эта общечеловеческая культура, какой класс наложит на нее печать своей индивидуальности. Конечно, Рим хотел господствовать над целым миром; конечно, Александр Македонский ставил себе всемирную задачу! Но весь вопрос в том, повторяем, чьей волей, чьими эмоциями будет окрашена эта мировая культура. Потому то столь смешным и гимназически незрелым является противопоставление общечеловеческой культуры классовой гегемонии. Как в области психологии утверждение о том, что воля господствует над другими психологическими категориями, нисколько не упраздняет эти другие категории, точно также классовый подход, признание классового лейт-мотива нисколько не упраздняет общечеловеческих заданий культуры.

Л. Сабанеев.

Годы революции в музыке.

Четыре года революции в музыке были годами великих планов и долгих и столь же великих ожиданий. Как и по отношению ко всему искусству—по отношению к музыке было принято считать, что революционный момент должен как-то оплодотворить искусство, дать небывалый творческий сдвиг и подъем и, как результат—дать новое революционное, во всяком случае небывалое прежде, искусство. И затем следовало разочарование. Оказывалось, что революционный момент всегда заключает в себе слишком большой процент чисто экономических слагаемых, препятствующих развитию той культурной „надстройки“, коей является искусство, в частности препятствующих искусству выходить из рамок проектов и грандиозных теорий, не переходящих в художественную практику. Этому удивлялись, упрекали художников, обвиняли их в несочувствии революции, в недостаточной „восторженности“ революционными настроениями, в неотзывчивости, в устарелости. А на самом деле это было—естественное следствие естественной причины.

Что же свершилось в музыке за это время? Прежде всего—свершилась большая переоценка дореволюционных ценностей. Произошло большое смещение взглядов и совершенная перегруппировка музыкальных „партий“. Мы состарившись и выросли за это время. Эти годы войны и революции—не простое „восьмилетие“, а целый полувек, если не более. Мы глубокие, очень глубокие старики, награжденные всем опытом жизни, разочарованные в своих былых очарованиях. Разве то, что было пять лет тому назад,—не есть уже история и легенда, не есть „давно-прошедшее“, что-то современное Ивану Калите и Гвидо Аретинскому? И не естественно ли то, что мы, пережившие годы революции, испытавшие то, что так немногим дано было испытать ранее,—смотрим на все искусство прежнего, вчерашнего дня совсем иными глазами, что историческая перспектива за это время выровнялась в наших глазах, что то, что обманчивым образом казалось великим и сильным, оказалось не таковым, что, наконец, наши требования к искусству стало совсем не тем, что наши искания претворились и изменились?

Прежде всего бросается в глаза ступенчатое контуров музыкальных партий и группировок. До революции мы имели две довольно таки неприемлимые и очень резкие группы, которые можно было охарактеризовать приблизительными терминами „модернистов“ и „консерваторов“. Консерваторы были те, кто стоял за старые устои искусства, за искусство „до Корсакова“, или „до Вагнера“. Это, конечно, уже не первого качества „старость“ устоев, но все же относительно достаточная. Модернисты были все прочие, кто искал от музыки чего то иного, искал „ниспровержений“ революционности (не политической, отнюдь, напротив, модернисты были политически консерваторами и наоборот), искал новых созвучий, новых подходов, синтезов. Для модернистов, которые образовывали пеструю и мало слаженную команду—был важен момент отрицания прежнего в музыке. В детали

они не входили. Вот почему в боги модернистического Олимпа попали такие разнохарактерные элементы, как Дебюсси, Скрябин, Ребиков и Прокофьев, как Штраус, Шенберг и Рославец.

Теперь все стужевалось. Одни модернистические боги оказались на весах исторической перспективы, неожиданно ускорившей свой бег, вовсе не „модернистами“ и ниспровергателями устоев. Да и консерваторы как-то сдвинулись с позиции. За эти четыре года мы в сущности растеряли своих „подлинных“ консерваторов. Самые заплывшие и, казалось бы, тупые из них, те, которые с пеной у рта отбивали у наступающего модернизма его позиции, теперь сами стали сторонниками Скрябина и Прокофьева, или, во всяком случае, благожелательно приняли их. Но и в партии модернистов оказался сдвиг. Тут тоже наблюдается усталость, иногда погашение „левого“ пульса, иногда прямой переход к более умеренным воззрениям. Или тут сказалось тоже пресыщение тем слишком внешним подходом к новизне, который наблюдался у модернистов, утомление от погони за новизной приемов и тоска по новизне внутреннего естества музыки.

Интересно в этом смысле проследить отношение к наиболее яркой фигуре нашего модернистического горизонта—к главному яблоку раздора модернизма и консерватизма былых времен—к Скрябину. За эти годы взгляд на Скрябина существенным образом изменился.

Прежде всего поразительно быстро за его смертью наступила его „канонизация“, причисление к лику музыкальных святых. А святые всегда любимы консерваторами. В Скрябине с особым тщанием стали отмечаться элементы преемственности, а не музыкального революционизма. Да эта задача и не была из трудных, ибо, ведь, говоря по совести, Скрябин в несравненно большей степени консерватор, чем модернист. Элементы моцартовской простоты формы, схематизма гармонических построений—вот что стало выступать на первый план. Стало ясно, что музыка Скрябина—музыка тех же принципов, что и музыка Моцарта, что она развивается из той по законам преемственности. К его гармониям привыкли (ибо к чему человек не привыкает)—они потеряли свою прежнюю небывалость и остроту. А когда к ним привыкли, когда элементы этих гармоний стали даже затаскиваться второстепенными авторами по своим „творениям“, то стало ясно, какую простую ткань плетет Скрябин из этих, казавшихся странными и страшными, гармоний. Плетет ее по тем же принципам, как музыка прошлого.

И одновременно со Скрябина спал ореол того новаторства, к которому мы привыкли ранее. Что остается от композитора тогда, когда исторический процесс совлекает с его музыки новизну впечатления от употребляемых им „средств“? Остается именно „внутреннее“, интимное в искусстве, остается тайна творчества. Остается то таинственное, что до сих пор действует на нас чрез примитивные гармонии Бетховена. Современникам трудно судить об этом резидууме произведения искусства, ибо его ухо, его психика пленяется, поражается новизной впечатления от средств, употребленных впервые. Но мы уже не современники—мы старики, чудом сохранившие жизнь среди мира. И мы привыкли. Не всякий композитор способен выдержать такой искусс, не всякий остается цел в таком процессе исторического раздевания. Но тот, кто останется, тот будет сопричислен уже к лику подлинных святых искусства.

Я все же думаю, что художественный калибр Скрябина сильно уменьшился от этого процесса. Он казался более, чем он явился на самом деле. Я не говорю о яркости и величественности его мечтаний—ведь они не воплощены. Скрябин в том объеме, как он нам явился, как он нам оставил

свою музыку (увы, только музыку), именно не так колоссально гениален и необычен, как казалось одно время даже пишущему эти строки. Он и не столь необычно нов: Дебюсси, например, в своем подходе к музыкальному материалу обнаруживает несравненно более подлинной революционности, хотя бы во взгляде на гармонию и на момент звучания, как на свободную краску, не стесненную никакой формальной логикой последования. Скрябин, как выясняется, еще весь во власти классического ритуала музыки (плохо это или хорошо, об этом речь не идет пока).

Итак, Скрябин был за этот период несколько дегралирован и наиболее в этом постарались именно „модернисты“, его ранее приветствовавшие. Для них Скрябин ранее стал „вчерашним днем искусства“, а консерваторы приняли его в свои объятия.

Другой вопрос, насколько „сегодняшний день искусства“ в праве спорить в качестве со вчерашним. Пусть в ряду величайших Скрябин окажется ниже Бетховена и Вагнера, пусть даже Листа и Шопена, пусть даже он будет наряду со своим „идейным противником“ Чайковским, но важно то, что теперь все же никто не может быть сопоставлен с ним. Сегодняшний день, несомненно, будничныи день, а Скрябинский вчерашний день был праздником (хотя и не двенадцатым).

Я отмечу анемичность революционной музыки. Официозное искусство никогда не имеет шансов процвести. Все, что родилось за эти годы скольконибудь значительного, прошло мимо революции, все это, как бы вести с некоего уединенного острова, которого не коснулось дыхание революционной бури. Как было, так и есть. Обитатели этого острова состарились, насмотревшись издали некоторых невиданных вещей, но они поют все старое и про старое. И быть может, оттого нам, смотрящим на все с высоты своего опыта этих лет, иной раз кажется все это творчество сплошным анахронизмом, чем-то вроде того, как если бы теперь начали сочинять грегорианские хоралы. И как ни много тут ценностей, не всегда хочется эти ценности приветствовать.

Революция приучила нас к культуре грандиозного, монументального, всенародного, величественного. Она отучила нас от салонных комплиментов, от „ласк“ и томлений. Быть может, и салонная мистика теософского Скрябина тоже оттого так быстро поблекла, что в грозной буре революционной прозы стала определенно намечаться какая-то особая мастика—огромная и несказанно страшная. Не знаю, как другие, но у пишущего эти строки определенная тоска по искусству грандиозному, побеждающему, уничтожающему, искусству, захватывающему и не только избранный круг утонченников в салонном освещении, а что-то более широкое (пусть даже не „толпу“ в тривиальном смысле слова).

Мы насмотрелись многого, мы шли мимо смерти, голода и вечной душевной тревоги, мы научились и разучились ценить жизнь. В эти моменты странны и жалки кажутся игрушечные разрешения мировых проблем. И тень великана Бетховена, героическая и демократическая, стала нам как-то особенно близка, как и титаническая стихийность Вагнера. Они живы, эти два гения, а наши современники, будь то Корсаков, окончательно ссохшийся за эти годы, или Скрябин, сделавшийся как-то до очевидности домашним, они нас „не устраивают“ несколько. Посмотрим же, что нам дает остальной сиклет композиторов.

Очень немного. Мы должны „извергнуть“ Прокофьева и Рахманинова—этих двух антиподов, ибо они развиваются не под знаком нашей революции и не под эгидой нашей страны. А Прокофьев в себе хранит много элементов очень острой современности. Опять-таки современности „вчерашней“. Его

уже иные сделали гениальным. Я не рискую признать этого пока, но вижу, что, несмотря на многообразную мою антипатию к его творчеству, в нем нельзя отрицать стихийности (большей, чем у Скрябина), изумительной напористости, внутреннего „давления“, так сказать, смелости и иногда своеобразной красоты. В нем важно и забавно то, что он—веселый, как никто из русских авторов. Он—озорник, вечное скерпо и шутка. Это не „радостность“ Скрябина, идущая от мистики и чрез страдания—Прокофьев вовсе не так глубокомыслен и утончен—и это не светлая профессорская благодушная радость Р.-Корсакова, идущая от комфорта и спокойствия нервной энергии, это радость вырвавшегося на свободу мальчишки, который чувствует, что ему все можно и он сам многое может и умеет. В нашем искусстве всегда было мало мужественности. Кроме Бородина, у нас не было композитора - мужчины (в духовном отношении), Прокофьев еще тоже не мужчина, он мальчишка, а из этого может вырасти уже мужчина, если только... кроме энергии и воли будет еще психическое содержание.

Рахманинов—это даже не вчерашний, а какой-то день на „прошлой неделе“ искусства. Но день интересный, хотя и скорбный. Мы его в сущности, не можем сейчас рассматривать, ибо все, что им сотворено за последние годы, нам неведомо и написано в „американском климате“.

Но консервативная партия выставила сейчас и своего „гения“. Это Метнер. Его искусство—старое, убежденно старое, и таким хочет быть. Он отгородился от современности китайской стеной, он ее не чувствует, не признает и знать не хочет. Он в глубине своего отчуждения молится своим прежним вечным богам. И есть что-то величественное в его художественном образе. Если это и не гений музыки, то это большая личность, великий человек. А от музыки его мне иногда душно: в ней так много нот, так она вся заставлена какими-то интересными вещами, так она вся „устроена“, что тоскиво становится.

И притом, все же это, хотя и довольно мужественное, и не без элемента грандиозности, а все же не то монументальное искусство, которого мы ждем. В Метнере слишком мало стихии и оттого он неспособен увлечь, но им можно заинтересоваться и, углубившись в него, получать высокие впечатления и переживания, а нам надо, чтобы так, как Вагнер—схватит и ведет, куда ему хочется, и нельзя даже спросить, что это хорошо ли, плохо ли, настолько сильна магия.

Модернисты наши раскололись за это время. Одна группа ушла налево, в футуристические дебри, и стремится создавать искусство из диссонансов, порывая со всем прошлым. Это—наши последователи Ар. Шенберга и Стравинского, прежде всего А. Лурье и Рославца. Первый из них дает все, что могут дать культура, большой ум и художественный вкус при... отсутствии вдохновения. Его музыка—ряд ставок на необычность, на гастрономию диссонансов, на попирание „законов“. Это, ведь, не плохо—попирать законы, и не так трудно. Но мне эта музыка, в большей части, не доставляет никакого удовольствия. Умно, холодно и вкусно, немзыкально и дисгармонично. У Лурье какой-то немзыкальный, а скорее художнический подход к музыке—наблюдание колоритов, сознательная графика иногда. А его художественный день все-таки вчерашний день, хотя он и хотел провести его под революционными знаменами. Это все прошлое—и Блок, и символисты и утонченничество и гастрономия диссонансов. Он—сын, и притом не вполне законный. Дебюсси и Стравинского.

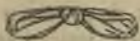
Я не могу ничего сказать про „революционное в высшей степени“ искусство Рославца, кроме весьма печальных вещей. Это—вовсе не музыка, а нечто с претензией на таковую. У Рославца своя теория искусства, в

которой он утверждает, что музыка выражает не чувство, как все до сих пор думали (это по его мнению), а выражает... мысль. И его музыка по своему качеству вполне соответствует уровню столь жалкой эстетики, граничащей с неграмотностью.

Безусловно интересными явлениями в области нашей новой музыки следует признать Крейна и Гнесина, основывающих новую школу национально-еврейского направления в искусстве. Правда, национализм в искусстве—тоже „вчерашний день“, но здесь важно то оплодотворение чисто музыкальной стихии, которое получается от внесения в культурную музыку элементов мелодического склада еврейского религиозного ритуала. Крейн с тех пор, как стал на эту дорогу, приобрел и яркую физиономию и свой стиль—он стал настоящим и большим композитором, нашел себя. Нечто аналогичное являет собою и Гнесин (мысли появляются всегда группами), но у него менее стихийности в музыке и есть тот холод рассудочности, который наблюдается у всех учеников Римского-Корсакова. Последнее произведение Крейна в этой области (нечто вроде погребальной кантаты или реквиема) имеет все признаки крупного музыкального события.

Мы должны непременно упомянуть нашего „симфониста“ Мясковского, хотя его творчество, пожалуй, в самой большой степени—внеременно и вне событий. Он как-то особенно на необитаемом острове прочно обосновался и совершенно не замечает революции. За эти годы его творчество окрепло и выяснилось. Это, несомненно, большой и серьезный композитор, примыкающий к Чайковскому и Танееву, но с уклоном в сторону эмоционального и с палитрой нашего современника. Он автор пяти симфоний, и это уже не шутка. Но все же не он—тот грядущий герой, которого ждет искусство.

Что же сулит нам будущее? Мы пережили грандиозный период революции. В будущем он уже станет героической легендой. Вот тогда то и должно начаться созидание того монументального искусства, о котором мы все смутно мечтаем, но для осуществления которого у нас нет людей, нет гения, который бы воспринял сущность момента и все бы смог выразить в звуковой материи. Как ни значительны все наши современные композиторы, все они—дети прошлого и невозвратного прошлого. Мы не сможем их сделать современными, как бы ни хотели того. Революционные эпохи обычно бывают эпохами рождений гениев, но не их деятельности. Деятельность их обычно следует за революционной эпохой, как бы подводя художественные итоги ее содержания. Так, видимо, будет и у нас. Смутное ожидание, что в музыке должно что-то случиться—есть у всех, есть неудовлетворенность современным, но нет искания, есть тоска по грандиозному, но нет сил. Есть теории и построения, но нет гениального творящего духа. В этих предрассветных настроениях обычно выковывается новая эпоха.

Проф. А. А. Сидоров.

О современных художественных группировках.

1.

Зима текущего года в истории русского изобразительного искусства бесследно не пройдет. Ее будут в свое время заучивать послушные студенты, и будущий ученый, конечно, сумеет сопоставить имеемые нами ввиду ее события с целым рядом иных фактов современности. В первую очередь, конечно, с новой экономической политикой. Как бы то ни было, будущая

повесть русской художественной жизни отметит сезон 1921—2 года конечно, как эпоху воскресения частной инициативы русских живописцев, появления новых—с старым названием выставок—успех и неуспех которых—и судьба во всяком случае—будет мниться чем то чрезвычайно поучительным в истории начала новой эры.

Потому что: где лучше—нагляднее—барометр, нежели в искусстве, для измерения „давления“ и „разряженности“ общественной атмосферы?—Что жизнь вся целиком в искусстве неизбежно отражена—это такая простая истина, что на ней не стоило бы и останавливаться, если бы как раз здесь не крылось одно чрезвычайно ходкое недоумение, выяснить которое хочется нам, просто как летописателю, который верит и знает, что ему есть что сказать внимательно слушающим.—„Отражение жизни в искусстве“ раньше—да и теперь в большинстве случаев—понимается как отклик художников на треволнения текущего дня в содержаниях и сюжетах их творчества. Против этого нечего возражать: мы, слава Богу, уже изживаем недавний односторонний формализм нашего „эстетствующего“ периода. Содержание искусства—все то, что относится к его идеологии—нами тщательно учитывается. Но ныне важнее и существеннее становится для нас иное. Творчество всякого художника вообще представляется для современной науки в значительной мере определенным бессознательными причинами. Властное „хочу“, „я должен“, „не знаю почему“ руководит созданием художественного произведения—и всей его дальнейшей судьбой, от первой выставки, вплоть до успокоения в музее. Именно здесь и оказываются сращенными ритмы художественного творчества с теми, которые правят ежедневным нашим существованием. Из одной и той же темной глубины возникает чудесное произведение высокого мастерства—и кажущееся нам порою случайным поведение наше—и сколько иных фактов жизненного творчества—какую бы ни взяли мы область. Искусство именно потому и становится исключительно важным материалом для социологического анализа. Вложенная в содержание картины мысль, очень часто ведь, нашептана художнику со стороны. Неизбежно откровенное внесознательное воплощение его замысла именно в ту, не другую какую либо форму, оказывается порою противоречащим сознательной идеологии—и тогда делает ее никчемной—или наоборот, бросает на нее такой свет, в котором все маленькие отдельные шероховатости оказываются поглощенными единым великолепным зрением творческого борения.

2.

Все это, казалось бы, как то и не нужно перед рядом наблюдений наших касательно русской художественной жизни, осветить которую со стороны современной научной мысли мы считаем нашим долгом. Нам представляется совершающееся вокруг столь интересным, что мы не можем более успокаиваться в тех рамках музейного строительства, в которых до сих пор жили представители новых наук об искусстве. У нас есть что сказать. И прежде всего есть что наблюдать. В значительной мере быть может то, что мы отмечаем здесь—было уже замечено и раньше. Только—с другой точки зрения. Мы не устанем повторять, что при подходе к современному художественному творчеству точка зрения ученого оказывается совсем не тою, на которой стоит критика. У нее единственный, в конце концов, надежный руководитель—хороший вкус. Она—неизбежно субъективна. Встречаясь с фактом художественной жизни, критик его прежде всего должен оценить. Это—некоторый предварительный экзамен современности у того порога, где она переходит в историю. В наших

глазах критика есть такое же искусство, как и то, о котором она пишет. В лучшем случае, в критическом отзыве бьется и трепещет та же напряженная художественная воля, что и в творце картины или поэмы. В худшем (обычном!) случае, единственный наш совет критику: „врачу, исцелися сам“. Наш подход к современности не критическими предопределен интересами. Мы спрашиваем не „хорошо“ или „плохо“, а „почему“.

3.

С лета 1921 года художественная Москва знала о предстоящем воскрешении „Мира Искусства“. Древнее уже (эпоха в четверть века почти!) и очень популярное знамя, вскинутое над лучшим, что есть в русском искусстве (чего бы радостнее?) „Мир Искусства“ казался выбранным, как термин, чрезвычайно удачно. В нем прельщала игра слов: ибо «Мир» есть не только „вселенная“, но и некое „спокойствие“: казалось бы, как раз, то, чего недоставало русскому новейшему искусству, измученному распрями «правых» и „левых“. Новый „Мир Искусства“ объединил такие крайние полюсы Московской, по меньшей мере живописи, как С. В. Малютин, старый реалист, и В. В. Кандинский, единственный русский „экспрессионист“. То, что получилось—на памяти у всех. „Мир Искусства“, в новой своей формации, дает уже вторую за один сезон выставку. У него сменяется второй председатель. В нем уже раскол. Критика к нему отнеслась в общем резко отрицательно. Материальный успех—кажется проблематичен. Почему?

„Мир Искусства“ как группировка художников вокруг журнала этого имени, происшедшая на рубеже 19 и 20 столетий, славная героическая кучка новаторов, которым было тесно в условиях тенденциозного реализма „передвижников“: все это в истории. Из этого первого периода важно отметить, пожалуй, только одно: что свое лицо у „Мира Искусства“ было, очень четкое и определенное. На нем была достаточно приятная маска стилизации: тоска по прекрасному прошлому вместе с исканиями самых с временных острых гримас. Еще раз: это уже вошло в нашу историю искусства, учтено не только нами, но и западом. Русский модернизм уже был, если и продолжает существовать поныне. И лицо той выставки, которая подняла над собою старый флаг в конце 1921 года было—не этим лицом.

Скажем несколько простейших вещей. Говорить о группе художников, о школе, о единстве лица—можно только при наличии некоей общей цели, предстоящей,—или некой общей почвы в которой, переплетаясь под-земно корнями, возрастают—пусть в разные стороны—художественные индивидуальности. Это второе было в нашей старой академии. Первое было у передвижников и в „Мире Искусства“ первого состава. Мы здесь помимся в открытую дверь. Московская выставка 1921 года не имела ни того, ни другого. Наш первый упрек к ней: что она была не организм, а конгломерат. Мы совсем не хотели бы входить в критические рассмотрения отдельных экспонатов. Неудача и распад „Мира Искусства“, в наших глазах прежде всего обусловлен отсутствием у него положительных объединяющих начал. Отрицательные причины для единения были, конечно, на лицо. То, что делалось за революционные годы Выставочным Бюро, представляется у всех на памяти.

У „Мира Искусства“, конечно, были и другие грехи. Оставим их в покое. То, что получилось к началу 1922 года нам представляется до того поучительным, что несколько суммарных положений, нами здесь выставляемых, и являются целью составления данной заметки. О чем говорит барометр искусств наблюдателю в самую последнюю минуту?

Будем иметь мужество сознаться: в настоящее время происходит реакция. Реакции в области искусств мы лично рады, но, как история, конечно, должны ограничиться только констатированием фактов. Их на лицо много.

Первый „Новомосковский“ Мир Искусства кончился. На его место, в начале января, привлек к себе все почти внимание „Союз русских художников“, только что закрывшаяся выставка которого дает исключительно много пищи для выводов. Сделаем несколько.

Русское искусство настоящего времени—реалистично, и имеет тенденцию делаться им все более. Оно, очевидно, прошло уже сквозь полосу декоративно-профессиональных исканий. Картины „мертвой природы“ и даже пейзаж сменяются—тематически—портретом. Русское искусство всегда было гуманистичным. Мы предсказываем и возврат к жанру. Во всяком случае будет и иное. Мы долгие годы, пуще воды и огня, боялись того смешного жупела, который именовался „литературностью“. На выставке „Союза“ были не только портреты. С чувством глубокого удивления—признаемся!—должны были бы отметить среди картин „Союза“ произведения, которые иначе не могли бы быть характеризованы, как символические. Сюда относится не только конечно, давно уже кончившийся Виктор Васнецов, но и К. Ф. Юон, которого мы вправе считать за одного из наиболее интересных современных живописцев. Но оставим здесь критику. Как самое может быть важное из наших общих наблюдений сделаем вот какое: что в области чисто формальной представленные на выставке мастера признавались в своей приверженности к прошлому—классическому искусству. Такие откровенные подражания, как у И. И. Захарова, и столь искренне воспринятая большая форма как у В. Н. Яковлева, в наших глазах являются весьма симптоматичными—именно потому, что раньше этого не было, что реакция означает не просто нелепый отход назад, а—прикосновение к иному истоку прошлой культуры, поскольку перестала удовлетворять современная.

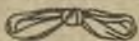
5.

А „Мир Искусства?“ Вторая его выставка—гораздо более цельна. На ней нет представителей прежнего „Союза“. Доминируют Рождественский, Майков, Лентулов: мы их раньше называли „бубновым валетом“. От прежнего „Мира Искусства“ уже откровенно осталось только одно имя. Сохранится ли оно до конца? По нашим сведениям Петербург, который все таки был настоящим центром прежнего „Мира Искусства“, решил окончательно порвать с Московской группой, узурпировавшей его фирму. Думается, что это будет только справедливо.

И еще, кроме реакции вообще: мы переживаем период художественного распада. Вслед за выделением „Союза“ предстоят выставки „Московского товарищества“ и даже ужасно сказать: труп „товарищества передвижных выставок“ должен подвергнуться гальванизации. Молодежь—та не идет ни туда, ни сюда. Если революционные (псевдо!) крайности группы „Обмоху“ уже—сказать ли?—надоели, то может быть наиболее приятным обетованием на будущее нам лично казалось бы то новое объединение молодых художников, которое под именем „бытие“ в это же время на небольшой выставке доказало у себя достаточно высокий уровень мастерства—и совсем уже сознательную классическую тенденцию. Следует ли печалиться наличием всех этих фактов распада? Думается, нет. Индивидуальные выставки, которые, чудесно соответствуя общей тенденции, были устраиваемы за эту же чреватую событиями, зиму, Главполитпросветом (С. Ю. Жуковского и

К. А. Коровина) и Третьяковской галлереею (К. А. Коровина, ретроспективно-музейная Ф. С. Рокотова) во всяком случае свободны от упреков в неорганичности.

Мы думали здесь наметить только некоторые вопросы, связанные с основною проблемою художественных группировок русского (или, скажем, даже московского) искусства последнего времени. Реакция и распад! Жуткие слова! Перед нашей живописью тревожные дни. Невероятные трудности переживаемого экономического момента—кто знает?—совершенно, быть может, перетасуют намечаемые нами карты. „Барометр падает“. Нам представляются наблюдения наши исполненными предзнаменований достаточно веших.

Н. Щекотов.

Забывтая область древне-русского искусства.

Наше отношение к древне-русскому искусству весьма односторонне, лучше даже сказать, однообразно.

За несколько лет до революции был произведен ряд открытий в области иконописи, открытий действительно замечательных и почти неожиданных; годы революции прибавили еще группу памятников древнейшего периода и наметили новую эпоху в медленно строящейся истории древне-русской живописи.

Замечательные художественные достижения древних наших живописцев и своеобразие их стиля бросили новый свет на всю до—Петровскую Русь, обнаружив в ней не одно только варварство и косность, но утонченную красоту и способность продолжать, не унижая, высокую традицию Византии, в которой, как в фокусе, слились тысячелетние художественные завоевания Востока и Запада, Эллады и Персии.

Это новое знание, явившееся нам в тот момент, когда мы, кажется, готовы были безнадежно махнуть рукой на свою собственную страну и всецело пойти в науку к Западу, когда наши художники стонали на подобие „трех сестер“—„в Париж, в Париж“—, так обрадовало нас, что мы остановили дальнейшие наши розыски, удовлетворившись одной иконописью.

Отсюда и получилась та односторонность, о которой мы начали говорить: если до этих замечательных открытий до-Петровская эпоха нам представлялась в виде мрачного храма, утесненного тяжело позолоченным иконостасом, с которого изможденные темные лики святых осудительно взирали на молящихся, то теперь она нам кажется бесконечным крестным ходом, осененным трепетанием шелковых хоругвей, украшенным иконами, сияющими такими цветами, которых природа создать не может, осыпанными жемчугами, сапфирами и изумрудами. Если до того наши Иоанны Грозные и Феодоры Иоанновичи казались нам изуверами, повторявшими бессмысленно, как заклинания, слова Писания, то теперь мы видим их склоненными над самими мудрыми мыслителями и поэтами древнего мира—Исааком Сириянином и Григорием Богословом.

Конечно, то и другое наше представление неверно, не верны и холодные пренебрежительные строки Милюкова в „Очерках русской культуры“, фальшивы и восторги Пунина перед св. Софией Константинопольской. Желая перенести в наши снега частичку эллинского солнца, некоторые наши критики

дошли до того, что обитель Сергия Радонежского готовы были признать наследницей Эллады.

Все это „мечтание“ неверно прежде всего потому, что сосредоточивая наш взгляд на одних верхах, вызывая образы князей, царей, иерархов и бояр, мы забываем ту почву, на которой эти верхи поднимались, забываем обширную массу земледельческого народа, который, конечно, не мог ни создать всей этой утонченной роскоши, ни участвовать осмысленно и добровольно и проникновенно в развитии византийско-русской культуры.

На самом деле стоит нам только свернуть с той дороги, по которой торжественно движется наш крестный ход, на одну из боковых тропинок, ведущих в поля и доли, как мы увидим нечто не только не совместимое с византийско-русскими обычаями, правилами и домами, но и прямо противоречащее им.

Здесь играют свадьбу, поставив на стол украшенное деревцо и встречая невесту песнями, напоминающими жреческое „умывание“ девушек, скачут ночью через костры, топят в реке „кострому“, завивают березку, убивают скот во время церковного праздника св. Власия, одним словом соблюдают языческий ритуал, с которым с древнейших времен боролось православие.

Все эти обычаи, все это так называемое „двоеверие“ дожило в том или другом виде до наших времен и уходит вместе с городским влиянием и сопутствующим ему религиозным безразличием.

Мы хорошо знаем, что это „двоеверие“ касалось не только „прошлого“ народа, но жило и в высших кругах, в доказательство достаточно прочесть хотя бы „Домашний быт русских царей“ Забелина. Да и на самом деле, быт боярина в древности далеко не так отличался от быта простого крестьянина, как отличается от него, например, в наше время уклад горожанина.

Далее, если в Византии религиозная окраска жизни явилась вместе с ней самой, если церковь возникла, выросла и создавалась вместе с государством и народом, то в Россию она пришла извне, и у нее здесь не было даже той подготовленной античной культурной почвы, которую она нашла, например, в Италии и пограничных с ней странах.

Естественно, что при всем желании русских славян усвоить ее, войти в нее, это не удавалось им в полной мере, и будучи по своим устремлениям самым религиозным, самым искренно православным народом в мире, русский человек одновременно, в трудовой деятельной жизни, в сущности не оставлял и язычества.

Доказательством этому служат не только те обычаи, о которых мы напомним в предыдущих строках, но и произведения крестьянского искусства.

Вещи, сработанные руками крестьянина, украшенные ими, накрепко сросшиеся с его бытом, обнаруживают сильное отличие византийско-русских традиций. Прежде всего на них нет почти религиозных сюжетов и наоборот, они изобилуют украшениями странных легендарных тварей: птиц с человеческими головами, кентавров, львов, женщин с рыбьими хвостами и пр. и т. п.

Всем этим украшены и крестьянские избы и посуда, и лари и орудия ткацкого дела.

Некоторые видят в этом, наоборот, черту особенного уважения крестьянина к религии, он не считает, будто бы, возможным украшать освещенными изображениями обыденные предметы своего трудового и домашнего обихода, но, почему же, спросим мы, считали это возможным высшие классы и наконец, монахи, более строгие к требованиям церкви? Очевидно, причина здесь сложнее и глубже.

Возможно, что все эти фантастические твари заняли место прежних, сродных им языческих изображений.

Таковыми являются хотя бы коньки, которые украшают обычно крышу избы, а иногда переносятся и во внутрь последней; кроме того почти весь цикл легендарной твари мог быть знаком древнему славянину еще в те времена, когда он не осел окончательно на избранных им местах, так как их знали все племена, участвовавшие в Великом переселении народов.

Несомненно, что изображения эти перешли в крестьянство от высших классов, за это говорят многие доказательства, приводить которые мы считаем здесь неуместным, но, должно быть, у крестьянина особое расположение к этому странному зверинцу, занесенному с юга на север, чтобы эти твари вошли так крепко и надолго в его жизнь и предрасположение это, конечно, не могло быть навеяно христианством.

Недаром в одном иконописном подлиннике XVII века иконописцу возбраняется изображать а воротах языческую тварь и языческих витязей.

В том интересе как простого, так и сановитого человека древней Руси к языческой твари, в той украшенности и праздничности, которые он за ней признает, открывается новая и чрезвычайно интересная страница древне-русской культуры и древне-русского искусства.

Действительно, понимание, изящество, благородство и уверенность, с которыми крестьянка вышивает изображение многочисленных грифонов на концах полотенец равняется лучшим изображениям подобных чудовищ Персии и западных художников романской эпохи.

Если нам удастся убедиться, что подобные же изображения и подобное же крестьянское искусство имеется и в странах Скандинавского полуострова, — как это утверждают многие „бывалые“ люди, — мы сможем тогда отнести переход этих зверей на Русь еще до принятия ею христианства.

Пока же изучение памятников древне-русского искусства говорит за то, что эти изображения обильны в памятниках монументальных XV—XVII веков, в миниатюре XIV века и наконец, украшают знаменитую группу соборов Владимиро—Суздальской земли.

На этом, пока, мы заканчиваем нашу краткую заметку. Да не сетует читатель на малую ее обоснованность и на незначительное количество приведенных нами доказательств; вопрос еще только становится и ответы на это далеко еще не получены, однако для правильного освещения древне-русского искусства чрезвычайно важно и сейчас уже обратить внимание на ряд явлений, нами до сих пор упущенных, а кроме того, в данное время есть и возможность подойти к разрешению некоторых интересных и важных загадок, имея в виду только что открывшуюся в Российском историческом Музее выставку Крестьянского искусства. Крестьянское искусство оказывается хранителем весьма древних и своеобразных художественных традиций, которые мы вряд ли можем проследить на других памятниках, сохранных нам временем.

Народное просвещение в России.

⚡ **Центральная биологическая станция.** Научным отделом Акцентра Н. К. П. разработан проект организации Центральной Биологической Станции, Проект организации превращен в Коллегию Н. К. П. для утверждения.

⚡ **Научная экспедиция в Австралию.** Научным Отделом Акцентра намечается посылка специальной экспедиции, в составе видных ученых, в Австралию, для наблюдения полного солнечного затмения, имеющего быть в сентябре этого года.

⚡ **Методы народного просвещения на экране.** Начатая летом прошлого года Наркомпросом работа по фиксации на кино-ленте методов народного просвещения имела своим результатом создание большой кино-ленты с метражем свыше полутора тысячи метров. Лента была выпущена под названием „Методы народного просвещения в Р. С. Ф. С. Р. Лента иллюстрирует дошкольное дело и моменты постановки школьного дела, снятые в лучших опытно-показательных учреждениях Наркомпроса“. Лента была осенью отправлена за границу. В настоящий момент проектируются работы по кино-съемке возобновить, с целью пополнить ленту моментами зимней работы в указанных учреждениях.

⚡ **Предстоящие Съезды по народному просвещению.** С 1 февраля созывается Всероссийская Конференция инструкторов разных Главков Наркомпроса. На 25 февраля собирается съезд Заведующих Управлениями Социального Воспитания. В середине февраля проектируется созыв Всероссийской Конференции по вопросу ликвидации неграмотности.

⚡ **Политико просветительная работа среди учащихся.** Главполитпросветом, через Бюро студенческих ком'ячеек, начата работа по организации и открытию студенческих клубов. Клубы уже организованы при Горной Академии, Институте Почт и Сообщения, Институте Народного Хозяйства, Политехническом Институте. Открываются при Ветеринарном и Межевом, Высшем Техническом Училище и Петровско-Разумовской Академии. Правильной работе клубов мешают тяжелые материальные условия, в которых живет студенчество.

⚡ **Студия новой экономической политики.** В Центральном Институте Инструкторов-организаторов Н. К. П. организуется и начнет функционировать с начала февраля студия новой экономической политики, имеющая своей целью дать курсантам Института, инструкторам всех главков Наркомпроса и иным товарищам, работающим по организации народного просвещения, возможность детально познакомиться с обоснованием нового экономического курса, с изменением, произошедшим в связи с ним в работе государственного аппарата по разным Наркоматам, в особенности же с вопросами работы Наркомпроса в новой экономической обстановке.

⚡ **Эвакуация голодающих детей Поволжья в 1921 году.** В 1921 году всего вывезено из голодающих губерний 55.355 детей.

Несмотря на недочеты, которые отмечались во время самой эвакуации, заболеваемость и смертность детей дали ничтожные цифры. По имеющимся сведениям во время эвакуации было 185 смертных случаев, заболело 554 чел.

Питание детей в санитарных поездах в общем вполне удовлетворительное. В отношении материального снабжения дело обстоит гораздо хуже. Обуви и теплых вещей нет. В настоящее время ведется полготовительная работа по усилению эвакуации детей с середины марта 1922 года, когда голод в Поволжье усилится.

⚡ **Научная выставка.** Бюро Выставок Наркомпроса предполагает в ближайшем будущем организовать научную выставку, имеющую целью ознакомить широкие массы с движением научной мысли в Р. С. Ф. С. Р. и фактической работой, произведенной учеными за время революции. К участию в выставке будут привле-

чены научные общества и учреждения Академического Центра, как столичные, так и провинциальные, а также материалы, собранные научными экспедициями. Устройство такой выставки представляет большой интерес, т. к. несмотря на объем и значение произведенной научной работы, она остается почти совсем неизвестной широкой публике и за небольшими исключениями сведения о ней не выходили из стен лабораторий. На выставке будут организованы циклы лекций по вопросам научного знания, применительно к программе самой выставки.

✽ Новый тариф литературных работников Цекиспросом (Ц. К. Союза работников просвещения и искусств) разработан и вносится на утверждение В. Ц. С. П. С. новое „Положение об условиях труда литературных работников“, в отмену всех до сих пор существовавших на сей предмет постановлений. „Положение“ дает классификацию предприятий и учреждений, в коих применяется литературный труд в какой бы то ни было форме, характеристики различных категорий литературных работников с отнесением их к определенным разрядам общетарифной сетки и собственно тарифа как постоянных работников, так и сельских работ. В приложении даются: 1. Правила заключения издательских договоров и 2. Форма нормального договора. Тариф вступает в силу, согласно проекта, с 1 января с. г.

Ввиду имеющего быть в конце января Всероссийского Съезда журналистов Президиум Цекиспроса постановил войти в Президиум Съезда с предложением включить в порядок дня съезда тарифный вопрос, подвергнув его предварительно проработке в специальной комиссии Съезда, дабы все пожелания и резолюцию съезда по этому вопросу приложить к проекту при внесении его на окончательное утверждение ВЦСПС. Немедленно по утверждении „Положение“ будет издано отдельной брошюрой.

✽ Работа по улучшению условий труда научных работников.

Совет Народных Комиссаров постановлением от 10 ноября п. г. назначил специальную Комиссию для разработки вопросов и проведения мероприятий по улучшению условий труда и положения научных работников в составе т. т. Волгина, Гиндина, Кипарисова, Новицкого, Покровского, Семашко и Халатова. Председателем Комиссии был избран т. Халатов. Результатом работы Комиссии, коий согласно постановлению Совнаркома подчинены уже существовавшие Московская и Петроградская Комиссии улучшения быта ученых, явился ряд постановлений как Совнаркома, так и самой Центральной Комиссии, направленных к весьма существенному улучшению материальных и правовых условий жизни научных работников. Важнейшие из этих постановлений: Постановления Совнаркома от 6 декабря об улучшении быта научных работников, о порядке обеспечения пособиями семей работников, науки и искусств, об усиленных пенсиях, об отпуске предметов потребления для снабжения ученых, и о жилищных правах научных работников, Положение о премировании научных работ, о подразделении научных работников на разряды в отношении академического обеспечения и т. д. Все постановления Совнаркома, Цекубу, и всех других органов, касающиеся научных работников, систематически печатаются в „Бюллетене Ц. К. Всероссийского Союза работников просвещения и искусств“. Так, вышеуказанные постановления напечатаны в № 4—5 „Бюллетеня“.

Цекиспросом в самом срочном порядке вырабатывается особый тариф для научных работников, с раздвижением существующей тарифной сетки в сторону повышения оплаты труда научных работников. Цекубу приняты меры к упорядочению и своевременной выдаче академических пайков.

✽ Центральный Дом просвещения и искусств Цекиспросом совместно с Наркомпросом организован Центральный Дом просвещения и искусств под который постановлением Президиума В. Ц. И. К. отдан старый барский особняк (б. Сорокоумовских) по Леонтьевскому пер., д. 4. Дом просвещения и искусств, несомненно, должен стать одним из основных центров общественно — педагогической и общественно — художественной жизни Москвы. В Доме имеется богатая библиотека, заключающая в себе несколько десятков тысяч томов, читальня с русскими и иностранными газетами и журналами, книжный киоск, центральный педагогический музей, хранилище произведений живописи, и т. д. В Доме систематически будут устраиваться лекции, доклады, диспуты по общественным и научным вопросам, циклы концертов, камерные спектакли, выставки картин и т. д. К участию в работе Дома привлечены основные научные и художественные силы Москвы.

Открытие Дома состоится в первых числах февраля.

« Кн - ство „Работник Просвещения“». При Цекиспросе, согласно постановления III Всероссийского Съезда работников просвещения организовано широкое издательство, ставящее своей задачей обслуживание работников просвещения и искусств необходимой для их работы литературой. Опираясь на профессионально производственную организацию работников просвещения и искусств, Издательство стремится объединить вокруг себя живые творческие силы страны в области просвещения и искусства, поскольку их творчество выявляется в печатном слове.

В Совет Издательства вошли: П. П. Блонский, А. Б. Залкинд, Н. Н. Иорданский, А. Г. Калашников, Ф. В. Кипарисов, П. С. Коган, В. Г. Козелев, О. А. Колесникова, Б. И. Коцын, Н. К. Крупская, С. А. Левитин, А. В. Луначарский, С. В. Сафонов, Ю. М. Славинский и С. Т. Шацкий.

В настоящее время Издательство уже закончило предварительную организационную работу и приступило к своей производственной деятельности, развивая ее как в направлении организации ряда периодических изданий, так и в области издания книг. Настоящий журнал первенец Издательства.

В целях широкой информации о своей работе Издательство будет выпускать периодический „Бюллетень Издательства Работник Просвещения“, первый номер которого выходит на днях.

Культурная жизнь на Западе.

Б.

Россия в художественной жизни Германии.

Влияние Достоевского, начавшееся еще с Ницше, признавшего его одним из крупнейших событий своей жизни, выросло к настоящему времени, когда завеса, отделявшая нас от Германии, начинает приподыматься, в настоящий культ Достоевского, как одного из величайших мировых гениев. Л. Толстой, первый из русских писателей, достигших всеобщего признания, заслонен теперь фигурой Достоевского. Л. Толстой не оказал на искусство Запада того влияния, которое оказал, оказывает и, судя по неослабевающему вниманию, будет оказывать Достоевский.

Экарт Зыдов, автор книги „Немецкая экспрессионистская культура и живопись“, указывает в главе об экспрессионистской этике на Достоевского, как на предвестника „мистической социальной жизни“. Он говорит о незабываемых образах „Идиота“ и „Братьев Карамазовых“, освобождающих нас от тупой косности обычного существования и пробуждающих сознание нашей вины за все, что есть дурного в других людях. Зыдов отмечает в своей книге влияние Достоевского на творчество поэтов-экспрессионистов Верфеля, Рубинера и Бехера.

Образы Достоевского влекут к себе также и немецких графиков. Макс Бурхарц выпустил альбом, состоящий из 10 литографий, „Рисунки к Раскольникову“, в 100 пронумерованных экземплярах. Попадут ли из этих 100 хотя бы 1—2 экземпляра в наши музеи? Кому-то следовало бы об этом позаботиться. Экспрессионист Даурингсхаузен тоже выпустил альбом с литографиями, посвященный творчеству Достоевского. Судя по воспроизведениям из этого альбома, помещенным в одном журнале, Достоевский воспринимается очень отвлеченно, в соответствии с отвлеченным складом немецкой мысли вообще и отвлеченностью нового художественного течения— в частности. Самое замечательное в Достоевском—предельная абстрактность его мысли и совершенная конкретность его образов, кровно связанных с народом и даже определенным бытом—остается, повидимому, совершенно недоступным.

Из русских художников, играющих крупную роль в художественной жизни Германии, но почти никому неизвестных на родине, следует отметить Александра Архипенко и Алексея Явленского. Мы не говорим здесь о Кандинском, оказавшем на развитие немецкого искусства гораздо большее влияние, чем на развитие русского искусства, но известном и у нас.

Александр Архипенко приобрел особую известность своими рельефными конструкциями, в которых применял самые разнообразные материалы, как-то: стекло, железо, дерево и папье-маше. Архипенко назвал этот новый род искусства скульптоживописью и утверждал, что этой скульптоживописью он нашел звено, связующее современную живопись со скульптурой. Морис Райналь, написавший предисловие к каталогу передвижной выставки произведений Архипенко, побывавшей во всех крупных городах Европы, сближает этот новый вид изобразительного искусства с египетскими рельефами и римскими мозаиками. По последним известиям, Архипенко в настоящее время, несмотря на огромный успех, критически относится к пройденному им пути и отходит от крайнего течения, одним из самых ярких представителей которого он был.

Явленский, москвич родом, живет постоянно в Мюнхене и уезжал из него в Швейцарию лишь на время войны. Его ранние работы,—сообщает автор статьи о нем в журнале „Арабат“,—преимущественно пейзажи, стояли еще под знаком импрессионизма. В зрелом период он рисует очень типичные для его творчества головы, напоминающие фаумские портреты и русские иконы. В них всегда подчеркнуты геометрически закономерные формы. Иератическая строгость скрывает страсти. Очарование этих портретов в каком-то природном примитивизме. Любовь к ярким цветам, оргиастичность красок придает картинам Явленского восточный характер. Несмотря на то, что его творчество расцвело на германской почве, критики отмечают его связь с Россией.

Литература.

В крепости Niederschönfeld среди заключенных баварских коммунистов находится немецкий поэт и драматург—экспрессионист Эрнст Толлер.

Несмотря на свою молодость—27 лет, Толлер пользуется весьма большой известностью, как автор двух драм в стихах (третью он, по слухам, окончил в крепости): „Die Wandlung“ и „Masse—Mensch“. Толлер, игравший видную роль в баварской советской республике, осужден на 20 лет.

* * *

В Париже начал выходить новый * двухнедельник „Синдикалист—революционер“. Редактор—J. B. Vallet.

* * *

В Париже изданы в одном томе избранные сочинения Ж. Жореса, с предисловием P. Desanges и Z. Meriga. (статьи разделены по отделам: Философия, Искусство и социализм, Народное просвещение, Будущее человечества, Этюды и исторические портреты, Социализм, Интернационал, и Война и мир.

В ноябрьской книжке „La grande revue“ помещены статьи Рабиндраната Тагора—„Об англо-индусских взаимоотношениях и J. Guehanno—„Идеализм Запада и Востока (о Р. Тагоре“).

*

Во французском журнале „Internatio ale“ начался печататься роман G. Darien „Bibi“ (из жизни африканских колоний), пользующийся большой популярностью „Печатание этого романа—отмечает Humanite—является наилучшей пропагандой антимилитаризма“.

* * *

Премия Гонкуров недавно была присуждена. R. Maran'y—представившему замечательный роман из негритянской жизни—„Batouala“. Автор—негр, занимаю

щий административный пост в Африке, на озере Чад, рисует жизнь „наших черных братьев“, эксплуатируемых самым бесчеловечным образом теми, кто будто бы несет им, так называемую, цивилизацию.

В Париже вышла брошюра М. Раз „Бунтовщики Черного Моря“ (Les revoltés de la Mer Noir). Автор, защитник двух „бунтовщиков“ Monatte и Vadina в известном процессе, объективно и кратко передает причины и этапы восстания на шести французских судах в Черном море летом 1918 года. Приводятся подробности кровавой западни, в которой поплатились жизнью в Севастополе четырнадцать французских моряков, расстрелянных по приказу лейтенанта французского корабля. Впервые публикуется список двадцати одного человека, находящихся до сих пор в тюрьме за то, что посмели заявить: „Нас презирали бы и человечество и рабочий класс, если бы мы повиновались приказам, предписывавшим нам убивать наших русских братьев“.

Из Оксфордского университета исключен редактор журнала „Free Oxford“ (Свободный Оксфорд), органа коммунистической молодежи. В своем протесте исключенный, между прочим, пишет: „Те, кто отказывается верить в классовую борьбу, могут удивляться в этом, хотя бы потому, что первая попытка студентов издавать журнал, защищающий рабочих в их классовой борьбе, повела к их исключению. Покидая лицемерный Оксфорд, чтобы посвятить себя истинной задаче нашей жизни, мы с удовлетворением вспоминаем, что университетская карьера Ленина была также разбита заключением в тюрьму по политическому делу“.

Вышел в Париже новый сборник французских поэтов под редакцией J. Gasket. Вышли: Ch. Maugras—Надпись, X. de Magallon—Тень, F. Mazade—Огненный путь, A. Fontainas—Аллея шпажника.

Анри де Ренье выпустил книгу: „Повести и романы“.

Переведена на английский язык и издана книга Л. Троцкого „Терроризм и коммунизм“.

В Лондоне вышла новая книга—„Пролетарское Евангелие в Галилее“ Герберта Стета.

Наука и техника.

Доктору Арт. Атрия из Сант-Яго (Чили), главному бактериологу Чилийского Института Гигиены, удалось открыть способ изоляции оспенной бактерии. Доктор Атрия утверждает, что его открытие даст возможность бороться с оспой не путем предохранительных вакцинаций, а непосредственным впрыскиванием.

Институтом Науки и Технологии в Англии получено крупное пожертвование для продолжения опытов над действием электрического разряда на рост хлебных злаков. В настоящее время полагают, что электрофикация такого рода немного увеличит рост стебля и вместе с тем повысит урожай.

Во французской Академии наук М. Вауенх сделал следующее сообщение о кислородных впрыскиваниях при подъеме на большую высоту основанное на произведенном над ним самим опыте в Сен-Сирской авиационной станции, где он был помещен в камеру по изучению действия давления в атмосфере, соответствующей высоте в 5.300 метров. Впрыскивание кислорода под кожу позволяет достигнуть быстрого подъема на высоту в 5.300 метров. Не приходится чего бы-то ни было опасаться: ощущается только легкое учащение сердцебиения и дыхания. Чем выше поднимаешься, тем лучше всасывается кислород. Эти результаты ведут к признанию необходимости пользоваться впрыскиванием кислорода пред полетами и воздушными путешествиями. Тот же прием может быть применен при подъеме на горы“.

Скончался известный немецкий ученый Отто фон Герке, профессор государственного права Берлинского университета. Покойному было 80 лет.

В „Central Mercantile Building“ в Нью-Йорке—многочисленные фирмы выставили огромное количество машин, употребляемых ими в конторах. Каждая, свободно исполняющая работу десятка канцелярских служащих. Экспонированы машины, производящие сложение и вычитание, вычисление прибыли, составляющие счета и месячные отчеты, регистрирующие покупки, увязывающие пакеты, пишущие машинки, машины для размена денег и выплаты по чекам, машины, открывающие корреспонденцию и распределяющие почту, запечатывающие письма, машины для наклейки марок на конверты для оттачивания карандашей и выплаты денег.

* * *

Американским ученым богословом Вильбур Г. Волива создана теория, отрицающая закон тяготения и шарообразность земли. По этой теории земля плоска, центром ее является северный полюс, южного же вообще нет. Края земли окружены льдами, и она неподвижна. Вокруг нее движется солнце, и орбита его имеет диаметр всего в 32 мили и находится оно от земли на расстоянии в 3.000 миль. Закон притяжения земли не что иное, как грубое заблуждение. Предмет, брошенный в воздух летит, пока не истощится сила, давшая ему движение. Он падает, так как он тяжелее воздуха. Непечатана географическая карта, иллюстрирующая теорию о плоской земле. Эта теория принята и по ней ведется преподавание в низших и средних школах общины христианско—католической апостольской церкви в гор. Зайон (Zion) в штате Иллинойс, попечителем которых и является Волива.

* * *

Бруклинская Тихоокеанская Компания строит, по проекту инженера С. В. С. Викова первое электрическое паромное судно, снабженное весьма мощным ледоколом. Палуба совершенно свободна от труб или от других каких-либо выступающих частей машин; электрический двигатель питается нефтью. Таким образом вся палуба может быть предоставлена пассажирам. Вся система этого нового судна отмечается чрезвычайной подвижностью.

* * *

В Нью Джерси (Америка) в настоящее время производятся работы по прорытию канала под рекой Гудзон, приспособленного для автомобилей и экипажей.

* * *

Коммунистическая просветительная группа организована в Париже ряд просветительных вечеров. В программу входят лекции, музыкальное отделение и кинематограф. На первом вечере был прочитан доклад Т. Challeу (автор книги „Рабочее движение в Японии“) — „Будда“. В концертном отделении участвовали между прочими, и русские силы: Оленина д'Альгейм (песни Шумана), Мандель (скрипка) и Сулларская (рояль).

* * *

Бернард Шоу в Кинге Холле была прочитана лекция на тему „Пределы народного образования“, в которой он, между прочим, так характеризует английскую школу: „Во всех наших школах для детей состоятельного класса было ошибочно предположено, что каждая девочка и каждый мальчик обладают почти неограниченными способностями. В средней школе принята настолько обширная программа, что результатом ее является моральное и интеллектуальное отупление. В то же время в низших школах принят de facto низкий умственный уровень учеников. Плоды этой системы в среде рабочего класса: жалкие знания, и плохая грамотность“.

* * *

Национальным Союзом Учителей Англии принято решение противостоять всеми средствами понижению жалования учителям, проводимому правительственной комиссией Годдеса.

* * *

Заявление правительства о сокращении бюджета на оборудование вызвало возмущение и протест в различных классах населения. Советом Регистрации учителей выпущен манифест „Образование и национальная“ жизнь, под которым подписались многие видные граждане, с требованием отменить это решение.

Половое воспитание и народное образование.

В текущем году во Франции Комитетом пропаганды социальной гигиены и профилактического воспитания созывается с'езд, который будет занят специально изучением вопросов полового воспитания.

Комитет будет работать с помощью ассоциаций родителей и бывших учеников. Среди руководителей учебных заведений была проведена анкета по следующему ряду вопросов.

1. Должна ли школа посвящать юношество в половые вопросы (явления воспроизведения, венерические болезни и пр.) 2. В каком минимальном возрасте посвящение это должно иметь место. 3. В какой форме должно оно проводиться (собеседования с проекционным фонарем, демонстрацией картин, посещением музеев, лекций и пр.) 4. Должно ли сообщение таких сведений относиться только к мальчикам, или также к девочкам. 5. Должно ли руководство быть поручено учителю или доктору (для девочек, может быть—женщине врачу). 6. Не должно ли половое воспитание быть частью программы нормального курса естественных наук (первоначальное и среднее образование). 7. Не должны ли быть полными в этом смысле книги, предлагаемые ученикам.

Руководители учебных заведений должны были представить ответы в конце декабря.

Живопись.

Финансовая комиссия французской палаты депутатов ассигнует министерству торговли необходимые средства для подготовки к открытию в 1924 г. международная выставки декоративного искусства. Вырабатывается план организации выставки.

* * *

Американским миллионером Duveen' ом, имеющим свою художественную галерею в Нью-Йорке, куплены в Лондонской галерее герцога Вестминстерского две известные картины английских живописцев 18 века J. Reynolds'a портрет Mrs Siddons, написанный в 1783 году, и Gainsborough „Мальчик в синем“. За обе картины заплачено 200.000 фунтов стерлингов—а Генсборо—170.000 и за Гейнольдса—30.000 ф. Картины проданы на оригинальных условиях: они покинут Англию лишь временно. Они будут выставлены на 3 недели в Лондоне, 2 недели в Париже и 3 недели в Нью-Йорке.

* * *

В Стокгольме умер шведский художник, член Академии Искусств Juluis Kronberg, известный своими произведениями на библейские, мифологические и исторические сюжеты. Наиболее известны его „Смерть Клеопатры“, „Давид и Саул“, Ромео и Джульетта“.

* * *

В Лейстерской галерее открылась посмертная выставка произведений Клод Ловат Фрезера. Автор особое внимание уделяет театру: выставлено много эскизов костюмов и декораций. Выделяются эскизы декораций к „Опере нищих“ и к балетным постановкам балерины Карсавиной.

* * *

В Париже вышла новая книга популярного французского художественного критика Ф. Фоска, посвященная Боннару. (Современные художники и скульпторы).

* * *

В Париже вышла монография Густава Коклю об Анри Тулуз де Лотреке с двадцатью четырьмя прекрасными репродукциями с картин художника.

* * *

В Париже открылась выставка „Мир искусства“. Отмечены были: Наталия Гончарова—Эскизы декораций и костюмов, Ромизов—декорации постановок „Летучей Мышь“, картина „Трактор“, Судейкин—„Контрданс“ и „Масленица“, Григорьев—портрет Врешко-Врешковской. На выставке выделялись и привлекали внимание игрушки в чисто русском стиле, и в сочных ярких красках, блюда, ларцы и мебель кустарной работы.

Театр.

В Париже поставлена новая пьеса Ш. Гирша „Красная танцовщица“. Сюжетом служит эпизод последней войны, переданный уже раз автором в другом его произведении «Коза с золотыми ногами». Автор рассказывает трагическую, почти забытую, историю танцовщицы Мата-Гари, расстрелянной по подозрению в шпионстве. Пьеса прошла с успехом.

В Champs Elisées (Париж) возобновлена постановка пьесы М. Метерлинка „Пеллеас и Мелиссанда“ без сопровождения музыки к ней К. Дебюсси, что, по мнению печати, уменьшает в значительной степени ее ценность.

В Париже возобновлена постановка драмы Ж. Коппо и Ж. Круд по роману Ф. Достоевского „Братья Карамазовы“. В виду интереса этой постановки для русских читателей, приводим рецензию, помещенную в Humanité Ж. Шеневьером. Поставленная в апреле 1911 г. в театре „des Arts“, возобновленная затем в марте В 1919 г. в «Vieux Colombier», эта пьеса, являющаяся одной из самых сильных, написанных за последние 20 лет, имеет все шансы на продолжительный успех. Переделка для сцены романов редко бывает удачной, тем большее восхищение вызывает смелость авторов, не побоявшихся втянуться за переработку крупнейшего произведения Ф. Достоевского. Собственно пьесу нельзя назвать переделкой. Авторы пересоздали для сцены действие романа, освободили его от второстепенных эпизодов и сконцептировали его вокруг главного конфликта. Достигнуто это было ценой некоторых неизбежных жертв, но без ущерба для оригинала, который, пожалуй, даже выигрывает с точки зрения тех, кто хочет это произведение углубить.

Содержание драмы может быть передано в нескольких словах. Федор Карамазов имет 3-х сыновей и одного побочного, прижитого им с нищей—Елизаветой Смердяковой—и живущего у него в качестве лекаря. Четыре человека, четыре врага, которых не может сблизить даже ангельская кроткость Алексея. Дмитрий и Иван жаждут наследства старика. Их взаимная ненависть и недоверчивость усугубляется их отношением к Екатерине Верховцевой, которая тайно тяготеет к Ивану. Но это не все. Дмитрий влюблен в богатую авантюристку Грушеньку. Он узнает, что, соблазнившись 3000 рублями, она соглашается встретиться с Федором. Движимый чувством мести, Дмитрий подстрелит отца в саду в час свидания. Иван догадывается и молчит. Алексей не в состоянии что либо сделать. Смердяков все понимает и убивает отца. Но улики говорят против Дмитрия. Его осуждают на 20 лет каторги. Смердяков кончает самоубийством. Грушенька и Алексей сопровождают Дмитрия в Сибирь. Иван начинает терять рассудок, Екатерину ухаживает за ним.

Эта интрига не представляла бы ничего исключительного, если бы не та изумительная и потрясающая глубина, которой достигал Достоевский в психологическом анализе действующих лиц своего романа, и та поразительная точность, с которой авторы драмы представили их в пьесе.

Федор—пьяница, обжора, развратник, бегаёт за женщинами, элещет копылок, но порой достигает величия в своем цинизме; Дмитрий—вспыльчив, буен, чувствителен, груб, но горд и честен и может быть менее всех виновен, ибо более всех угрожает; Иван—смирный, Иван—„грозный“, Иван—молчаливый, Иван—сестель... Смердяков—лакей, эпилептик, существо, которое топчет и которое порой бунтует, послушное орудие в чужих руках; Алеша,—ясновидец, непорочный, истинный герой пьесы, принявший бы на себя вину другого, искупитель, носитель всеочищающего огня; Катерина—спесивая, властная, двуххмысленный оракул; Грушенька—любящая и которую великодушное приводит к самопожертвованию. И еще и еще действующие лица. Все значительные—от старца Зосимы до пустого и мелкого Мусьяловича. Среди всех этих существ, необыкновенных, но в то же время человеческих, вырастает мысль об убийстве. Она их преследует, мучит, возбуждает, делает действительными, выбирает жертву. Выбирает орудие. Убийство совершает Смердяков. Кто виноват?

В первом действии Дмитрий поднимает руку на отца. „К чему мать, если все желания позволены?“ говорит Иван. „Он убить хочет!“ восклицает Катерина, когда Дмитрий прощается с ней навсегда. „Все дозволено!“—говорит отцу Иван в присутствии Смердякова. — „Почему вы сказали, что все дозволено?—спрашивает Ивана Смердяков. Смердяков выполняет то, о чем никто не говорит, но чем насыщен воздух. И все эти несчастные существа беспуются, разговаривают над звучащей пропастью—своей душой и нашей. Величие и низость, мрачное пламя и ясный свет, ничто не существует, все дозволено, все возможно.

Все дышит трагизмом, ударяющим по нервам и по мысли, и па всем лежит печать вопроса, оставленного без ответа. Кричат о ношах, копаясь в своей душе.

Касаясь постановки, рецензия отмечает ее блестящую тщательность и блестящую игру артистов.

Музыка.

В ноябре Париж впервые услышал два отрывка из новой симфонической поэмы композитора М. Версерю (M. Verseru) „Песня Шехеразады“. Первый отрывок—„Ледяной дом“—чисто оркестровый, второй же—для сопрано с оркестром, вокальная часть в котором была исполнена Фанни Гельди.

Сергей Кусевитский выступал в Париже в Филармоническом обществе вместе с певицей Верой Янакопулос. В программе—концерт Генделя (для контрабаса), Andante Экклес, Менуэтт Бехтовена, Романсы Бородина, Муссоргского, Римского-Корсакова, Рахманинова, де Фалла и Дебюсси.

* * *

В Нью-Йорке скончался известный американский композитор Ивен Кариль.

* *

Известный композитор Пуччини работает над оперой „Тюранот“ с настолько своеобразными музыкальными сочетаниями, что для исполнения ее потребуются новые инструменты.

Кинематограф.

В Северо-Американских Соединенных Штатах готовится к постановке кинематографическая картина, охватывающая всю историю Америки до наших дней, начиная от тех времен, когда прерия была собственностью краснокожих.

* * *

В педагогическом музее Парижа пред членами Общества „Искусство и Школа“ был произведен первый опыт технического преподавания посредством кинематографа. Инспектор городских школ г-р А. Брюно взялся за научное использование „седьмого искусства“. А. Брюно вспоминает о вере, оказавшейся пророческой, Э. Делакруа в использование дагерротипии.

Подробно тому, как Э. Делакруа рассматривал фотографию, как контроль над ощущениями, современные артисты признают за кинематографом аналогичные заслуги. Эта точка зрения разделяется и А. Брюно.

Несомненно, что фильма при замедленном движении не представляет собой последовательного разложения движения, а дает ощущение более медленного перемещения.

А. Брюно проделаны уже опыты преподавания в некоторых народных школах при помощи кинематографа. Он достиг большого успеха.

* * *

В Париже организовалось акционерное общество „Полезный кинематограф“ под контролем рабочих организаций и коммунистической партии. Цель: с одной стороны вести пропаганду, с другой—получить средства, необходимые для борьбы. Выпущены акции ценою в 25 франков.

Из Культурной жизни Востока.

Воззвание Рабиндранат Тагора об Интернациональн Университете.

Основанная знаменитым поэтом Индии новая школа „Шантиникитан“ в окрестностях Калькутты, непрерывно разрастаясь, превратилась теперь в большое учреждение, которое, по новой мысли поэта, должно превратиться в *Интернациональный Университет*, призванный объединить многообразие азиатских культур с наиболее ценными культурными достижениями европейско-американского Запада. Принадлежащий сам как азиатской, так и европейской культуре, поэт хочет возвестить наступление нового времени в истории человечества и создать новые формы духовного общения Запада и Востока. Вот текст воззвания: „Я зову каждого готовиться к рассвету нового времени, когда каждый человек в единении со всеми людьми найдет себя и свою сущность.“

Многое в современном мировом положении способно вызвать отчаяние. Но есть *одно* значительное знамение надежды и обновления: пробуждение

Азии. Если оно примет надлежащие формы, оно даст многое не только Азии, но и всему миру. Нужно признать, что в течение двух веков отношения Запада и Востока, все более сплетаясь и расширяясь, содействовали только развитию вражды и недоверия. Это напряженное состояние глубоко возбуждало Азию, и масса враждебных сил скопилась в глубине восточных настроений. Сближение Запада и Востока оставалось поверхностным и бесплодным, потому что оно основывалось на эгоистических побуждениях. Стремление к власти часто руководило политическими предприятиями западных народов, независимо от интересов стран, с которыми они вступали в сношения. В результате возникало вредное для обеих стран непонимание.

Запад до сих пор не видел опасности этих противоестественных отношений. Вера в свою непобедимость была роковой ошибкой носителей власти. Но не составляет ли страх перед опасностью великое бедствие для всех стран? Постоянное и вредное влияние этого взаимного непонимания двух человеческих рас создало благоприятную атмосферу для развития самых губительных страстей человечества: высокомерие, жадность, лицемерие, страх, недоверие, неуверенность в себе—растут с каждым днем и неизбежно ведут к моральной катастрофе.

Настало время употребить все наши усилия, чтобы справиться с этим положением и понять все значение духовной организации нашей работы, наряду с организацией материальных сил.

В начале истории человечества первоначальной целью человеческих стремлений было создание общины, а последующей целью—создание нации и народа. В те ранние эпохи люди об'единялись в соответственные географические группы. Только те человеческие общезития, которые сознавали свое единство и проникались духом взаимопомощи,—создавали народы. Остальные, недоверявшие друг другу, погибали в постоянных раздорах.

В наше время географические границы почти стерты: решающие встречи, способные создать новую жизнь или повести к катастрофе, произойдут не между отдельными группами, но между народами. Перед нами новая проблема *единой* страны—всей земли. Возможно ли развитие отдельных рас, подобное развитию отдельных индивидов,—членов единого союза?

Надо создать единство, которое глубже и прочнее об'единило бы людей, чем все прежние союзы и об'единения: оно должно основываться на признании божественности человека, которому мы хотим построить обширный, всемирный храм.

Первый шаг к осуществлению этого идеала—это дать возможность народам выявить свою духовную сущность. Это невозможно при господстве стремлений к использованию и наживе. Мы должны создать такое общение, где бы не было места враждебным интересам. Такое общение—университет, где мы могли бы вместе искать истину, вместе пользоваться нашим наследием веков и вместе познавать, как художники всего мира создавали прекрасное, как ученые открывали тайны природы, как философы освобождали мысль, как святые осуществляли идеал жизни не только во имя своего народа, но и во имя всего человечества.

Метеорология высказывает глубокую истину, устанавливая, что атмосфера земли составляет единую воздушную оболочку, хотя в разных своих частях ее влияние может быть различно. Так должны мы признать, что человечество составляет духовное единство, выявляющееся в своем разнообразии, подтверждающем это единство. Если мы признаем это убеждение, мы научимся ценить разнообразие людей и сохраняя свое личное сознание, мы поймем, что единство заключается не в однообразии, а в гармоническом сочетании многообразия.

В чувстве ответственности, которое должен в наше время сознавать в себе каждый, смотря по своим способностям, я основал в Индии Интернациональный университет, о котором я думаю, что он является наилучшим средством содействия этому пониманию между людьми Востока и Запада. Мой план предполагает приглашение студентов Западных стран пополнить в этом Университете свое знакомство с философией, искусством и музыкой Индии в атмосфере индусской жизни, с помощью тех, кто специально посвятил себя этим занятиям.

Индия готовится в начале своего обновления внести свою долю в сокровищницу обновленного мира. Когда то носительница великой культуры, она в момент воскрешения из развалин прошлого, может многое дать грядущему времени.

В условиях переходного времени Индия полна великих возможностей, и все, что Запад готов бескорыстно дать ей, будет иметь для нее огромное духовно-нравственное значение. Воспоминание об этих ценностях будет тем ярче в сознании Индии, чем глубже будет ее возрождение.

Ранние великие азиатские страны хранили свои духовные богатства про себя. Ныне настало время общения. Зерно, посеянное когда-то в узкой ограде, теперь должно быть высеяно вне границ и оград. Плоды этого посева должны быть испробованы во всем мире, чтобы получить свою настоящую оценку. Но прежде чем вступить в культуру Европы, Азия должна сама синтезировать свое культурное достояние и Азия обращается к Западу, в полном сознании своей духовной свободы. Ею сознаны современные истины, и она открывает миру новые духовные горизонты. Если это не удастся, драгоценное наследие Востока погибнет, ибо одно только подражание Западу бесплодно и смешно.

Но в одном я уверен: Запад с глубоким интересом обращается к искусству и философии Востока, проникнутый сознанием их истины и красоты. Когда-то сказания о несметных богатствах привлекли искателей приключений на Восток. С тех пор земные богатства пременяли свое местопребывание. Но Восток остался хранителем мудрости. Да откроет в наше время Восток несметные богатства своего мировоззрения, за которое человечество отчаянно борется в муках современной жизни.

Вся моя надежда на то, что мое стремление осуществится,—Восток и Запад вместе будут работать над созданием новой общей культуры. Поэтому всякая помощь с Запада будет иметь большое значение.

За этой помощью обращаюсь к людям Запада, полным любви к человечеству, и надеюсь, что мой братский призыв с Востока найдет у них отклик.

Абдур Рабб Барк.

Влияние социальной революции на культуру Востока.

Естественным зеркалом жизни каждой нации, отражающим ее внутренние чувства и ее основную характеристику, является ее культура. Живопись, музыка, поэзия, театр, литература и журнализм могут быть весьма верным показателем силы и глубины переживаемых им, порою еще скрытых от прямого наблюдения процессов и воздействий.

Русская социальная революция не могла, конечно не повлиять на чувства и сознание наций всего мира. Всякий изучающий вдумчиво и систематично культурные произведения мира (хотя бы только того мира, ско-

торым он знаком), в течение последних лет, уже сталкивается с весьма очевидным фактом чрезвычайно быстрого изменения значения таких слов, как империя, колония, император, корона, империализм, аристократия, парламент, капиталист, буржуазный, эксплуатация, и т. д. Значение их настолько изменилось, что даже те, кому, продолжают оставаться близкими и дорогими эти учреждения, вынуждены перестраивать свои возражения и об-суждать все вопросы, исходя из совсем новых точек зрения. Для мира в широком смысле слова, эти слова, потеряв свой вековой ореол, обнаженно предстали перед человечеством в своем подлинном виде, и весь скрытый раньше одиум их вышел наружу. В особенности слова—капиталиста, капитал, эксплуататор и буржуазный приобрели значение выражения призрака и угрозы. Вместе с тем, с другой стороны, слова: рабочий, крестьянин, пролетариат и народная республика—приобрели совершенно новый характер и новое значение, являясь обозначением того, что наша эпоха ставит в центре борьбы, долженствующей своей победой в корне изменить всю жизнь человечества.

На рабочего и крестьянина, бывших настоящими рабами на Западе, на Востоке так же смотрели, как на людей, своим социальным положением лишь немного отделенных от раба. Их считали чем-то низким и достойным презрения. И вдруг теперь, точно по мановению волшебной палочки за рабочими и крестьянами признана человеческая личность. На эту тему написаны сотни песен, тысячи поэм. Возмите любую газету, изданную в Центральной Азии, Туркестане, Персии, Индии, Афганистане, Кавказе, Анатолии, и вы увидите, что самое сердце Востока бьется этим новым движением. Народы Востока не понимают, что такое социализм и за что он борется. Но то немногое, что они о нем знают, крепко внедрилось в их сердца. Слова „Ранжбар“ (рабочий) „Дек кван“ (крестьянин) сделались священными в их глазах.

Но не только одна политическая платформа отражает всю несправедливость, которой подвергаются рабочие и крестьяне,—даже все религии Востока стараются теперь толковать свои религиозные верования и доктрины в свете социалистических идеалов. Новые толкования писаний и религиозных традиций проповедываются с кафедр, и священные тексты свободно цитируются для поддержки новых идеалов. Драмы пишутся и разыгрываются, на персидском, татарском и турецком языках. Новеллы издаются и с жадностью читаются. Новое движение распространяется, как лесной огонь; пламя проникло даже в Голандскую Индию и на Филиппины. Особенно благодарной почвой для него являются мусульманские массы Востока, а также к Африки, религиозные верования и политически-религиозная программа которых имеют много общего с социализмом. Единственным различием, и я могу сказать, единственным препятствием, мешающим масульманам встать в ряды социалистов, является отрицание Бога последними. Помимо этого, масульманин, не переставая быть таковым, может принять в целом социалистическую программу.

Благодаря этому в Турции создалась новая партия под названием „Абу-Зерриты“, которая производит свое название от имени Аба-Зерр-Гафари, непосредственного последователя пророка, проповедывавшего 1300 лет тому назад приблизительно то, что теперь проповедует социализм. Аба-Зеррит проповедывал свои идеалы и принципы, основываясь на авторитете Ислама и базируя свои доводы на святом Коране и на практике пророка. Партия Абу-Зерритов все время усиливается в Турции и скоро станет силой, с которой придется считаться, т. к. в ее ряды вошло большинство мусульманских богословов.

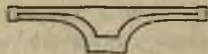
Социальная революция Востока в России повлияла также и идеалистически. Это характерно для Востока. Восток спиритуалист и идеалист. С незапамятных времен это было так и еще долгие времена будет так. В то же время все, что оказывает на него влияние и поглащается им, претворяется в духовную форму.

Поэтому и социализм должен быть воплощен в новую веру, измененный местными условиями, и благодаря этому, сделаться понятным для масс Востока. Восток—это обширная духовная соляная шахта, и все, что проникает в нее делается солью, как гласит восточная пословица.

На Востоке возникла за последние годы масса литературы, политической и религиозной о социализме и социальной революции в России. Интернациональный гимн был переведен на все восточные языки и поется на мотив оригинала. Проза и стихи служат социализму. Помимо социалистических органов и беспартийные органы распространяют социалистические идеи на востоке. Сцена и кафедра также вносят сюда свою лепту. Восток должен свести длинные счета с капитализмом и империализмом. Сначала он принял социализм, как оружие против своих угнетателей и как средство к достижению цели. Но вскоре неоспоримая ценность правды засияла над массами Востока, и теперь они приняли ее по настоящему, конечно, в измененной форме, согласно местным условиям и темпераменту народа.

Было бы глубоко интересно и поучительно если бы какой либо орган взял на себя задачу собирания литературы всякого рода, печатаемой на Востоке по этому поводу, в целях изучения под'ема волны социализма, распространяющейся медленно, но верно по всему Востоку. Это дало бы возможность видеть ежегодный прогресс социализма, в литературе и в других проявлениях культурной жизни Востока. В результате мы имели бы материал, который может дать нам представляющую совершенно исключительный интерес картину развития социализма на востоке в годы величайшей революционной эпохи.

Москва 29-XII 1921.

Редакторы: *А. Воронский*
Ф. Кипарисов.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“

при Ц. К. Всероссийского Союза работников просвещения
и искусств.

Москва, Леонтьевский пер., 4, Тел. 1—27—25.

При Ц. К. Союза работников просвещения и искусств, согласно решению III Всероссийского Съезда работников просвещения, организовано широкое издательство, которое ставит своей задачей обслуживание работников просвещения и искусств необходимой для их работы литературой.

Опираясь в своей деятельности на профессионально-производственное объединение работников просвещения и искусств, издательство стремится объединить вокруг себя живые творческие силы страны в области просвещения и искусства, поскольку их творчество выявляется в печатном слове.

В Совет Издательства, входят: П. П. Блоцкий, А. Б. Залкинд, Н. Н. Иорданский, А. Г. Калашников, Ф. В. Кипарисов, П. С. Коган, Б. Г. Козелев, О. А. Колесникова, Б. И. Копын, Н. К. Крупская, С. А. Левитин, А. В. Луначарский, С. В. Сафонов, Ю. М. Славинский, С. Т. Шацкий.

В настоящее время Издательство, закончив предварительную работу, приступило к своей производственной деятельности, развивая ее как в направлении организации ряда периодических изданий, так и в области издания книг.

В ближайшем будущем (февраль—март—апрель) выходят:

А. Периодические издания.

ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ и ПРОСВЕЩЕНИЯ, ежемесячный журнал по вопросам организации просвещения, педагогики и педагогического образования

Программа журнала: Общий Отдел (статьи по общим вопросам организации просвещения, педагогики и педагогического образования. Специальный Отдел (статьи по специальным вопросам того же порядка). Строительство просвещения в Р. С. Ф. С. Р. Вопросы просвещения за границей. Учеба и обмен педагогического опыта. Педагогическая хроника. Консультационный Отдел (переписка с практическими работниками мест). Библиография.

Редакционная Коллегия: А. Б. Залкинд, Н. Н. Иорданский, А. Г. Калашников, А. Ф. Кох и С. Т. Шацкий.

КУЛЬТУРА и ЖИЗНЬ, еженедельник по вопросам просвещения, науки, искусства и литературы.

Программа: Выявление культурно-исторического содержания переживаемой эпохи. Культурное и просветительное строительство Р. С. Ф. С. Р. Культурная жизнь за границей. Достижения науки и техники за время войны

и революции. Искусство и литература. Библиография и обзор печати. Деятельность Наркомпроса. Деятельность Цекиспроса. Странички: Академия наук и ее комиссий, Социалистической Академии, Научно-Технического Клуба В. Ц. С. П. С., Центральной Книжной Палаты, Дома Печати в Москве, Дома Книги в Петрограде, Центрального Дома просвещения и искусств, Научно исследовательских институтов, научных обществ и ассоциаций и т. д.

Б. К н и г и.

П. Блонский, История научной мысли.

П. Блонский, Азбука труда (введение в трудоведение).

П. Блонский, Введение в изучение детства.

П. Блонский, Реформа науки, 2-е переработанное издание.

П. Блонский, Курс педагогики, 2-е переработанное издание.

К. Корнилов, Очерк психологии ребенка раннего возраста, 3-е переработанное издание.

К. Корнилов, Н. Рыбников и В. Смирнов, Простейшие психологические опыты, 4-е совершенно переработанное издание.

Книга и читатель, сборник статей.

С о д е р ж а н и е: *Г. Мурашев*, Реформа книги, *Н. Рубакин*. Что значит биологическая психология, *Н. Рыбников*, Изучение психологии читателя

К. Корнилов, Методы изучения ребенка, 2-е пересмотренное издание.

Н. Крупская, Сборник статей по вопросам народного образования.

С. Шацкий, Дети—работники будущего.

В. Лай, Школа действия, перевод с последнего (1921) переработанного издания под ред. А. Г. Калашникова.

Г. Гордон, Путеводитель по истории для трудовой школы.

Б. Жаворонков, От мотыги к плугу (очерк истории культуры для трудовой школы).

Монтессори, Самообучение и самовоспитание в начальной школе, перевод с итальянского Р. Ландсберг.

С о д е р ж а н и е: Жизнь ребенка и современное воспитание. Мой вклад в точные науки. Подготовка учителя. Среда. Внимание. Воля. Умственная деятельность. Воображение. Моральное воспитание.

Г. Кершенштейнер, Трудовая школа, новый перевод с последнего (1920) совершенно переработанного издания Н. Киричко.

Кершенштейнер, Естествознание в школе, перевод с немецкого Н. Киричко.

Г. Винкекея, Школьная община в Германии, перевод с немецк. Н. Киричко.

В. Оствальд, Основные принципы реформы воспитания, перевод с немецкого Н. Киричко.

П. Нагорн, Товарищеское воспитание, как основа реорганизации человеческой жизни, перевод с немецкого Н. Киричко.

Дьюи, Школа и общество, перевод с английского Н. Киричко, 2-е пересмотренное и дополненное новой главой издание.

С о д е р ж а н и е: Школа и общественный прогресс. Школа и жизнь ребенка. Желательный тип школы.

Дьюи, Школы будущего, перевод с английского Р. Ландсберг, 2-е пересмотренное издание.

Содержание: Воспитание как естественный рост. Опыт Фергетской школы. Четыре фактора в процессе естественного роста. Пересмотр школьной программы и школьного метода. Игра. Свобода и индивидуальность. Отношение школы к обществу. Школа, как социальный центр. Развитие производства и воспитательные преобразования. Роль промышленности в школе. Школа и демократия.

Допп, Индустрия в воспитании и обучении, перевод с английского А. Азаревич.

Содержание: Значение промышленных периодов. Домашняя промышленность и период домашнего хозяйства. Ремесла и период городского хозяйства. Фабрично-заводские системы и период народного хозяйства. Происхождение психических переживаний, лежащих в основе ремесленной деятельности.

Применение на практике и его руководящие принципы. Период младенчества. Переходный период от младенчества к детству. Период детства. Задача учителя, не имеющего материалов и инструментов, необходимых для деятельности промышленного типа. Как может быть введена такая деятельность в школы, неприспособленные к ручному труду. Заключение.

Джонсон, История и теория игр и забав, перевод с английского Р. Ландсберг.

Содержание: Введение. Значение игры. Эволюционная точка зрения. Инстинкт и воспитание. Объяснение игры. Игра и инстинкт. Игра и труд. Игра у древних. Игра теперь. Новое воззрение на игру. Применение игр в современных школах. Периоды детства и их отношение к играм и забавам.

А. Залкинд, Медицина и педагогика в условиях современной общечеловечности.

II.

Л. Сабанеев. Музыка речи.

Мир искусства в стихах поэтов, собрано Е. Боричевским.

Содержание: Архитектура. Скульптура. Живопись. Танец. Музыка.

В. Невский, Путеводитель по истории живописи.

Содержание: Пути и способы ознакомления широких народных масс с произведениями живописи. Литература о живописи и издания репродукций. Обзор русской живописи. Русская природа в русской живописи. Деревня в русской живописи. Поместье в русской живописи. Русская религиозная живопись. Русская историческая живопись. Русский портрет. Обзор иностранной живописи. Итальянская живопись. Нидерландская и немецкая живопись. Испанская живопись. Французская живопись. Английская живопись. Классицизм. Романтизм. Интимный пейзаж. Реализм. Импрессионизм. Неоромантизм (идеализм). Экспрессионизм.

Приложение: 1. А. Виленкин, Инструкция по составлению карточных каталогов, гравюр и репродукций. 2. Н. Изнар, Как организовать районную студию живописи. 3. Картинные галереи и музеи Р. С. Ф. С. Р. 4. Юбилейная памятка на 1922—1926 г.г. 5. Алфавитный указатель художников.

В. Невский, Что такое современная живопись и как ее изучать.

III.

Марксизм и педагогика, Сборник статей под ред. Н. К. Крупской.

Марксизм и искусство, Сборник статей под ред. А. В. Луначарского.

Спутник сельского учителя. Сборник статей и матерьялов под ред. Н. Крупской и Н. Осинского.

Детство и юность (их психология и педагогика), неперIODические сборники под ред. проф. К. Н. Корнилова и Н. А. Рыбникова. Сборник первый.

Содержание: *К. Корнилов*, Биогенетический принцип и его значение в педагогике. *В. Смирнов*, Очерки по психологии юношеского возраста, статья первая: порыв и мечта. *Е. Кричевская*, Капризы детей. *И. Соловьев*, Достоевский как педолог. *А. Нечаев*, Экспериментальные данные к вопросу о психологии обучения чтению. *А. Гречишникова*, „Михуны царства“ (этюды по психологии игры), *П. Рыбников*, Институт изучения ребенка. *А. Покровская*, Институт по детскому чтению. *П. Карасев*, Институт клубной работы с детьми.

Детство и юность (их психология и педагогика), неперIODические сборники под ред. проф. К. Н. Корнилова и Н. Рыбникова. Сборник второй.

Современный ребенок. **Содержание:** 1) *Роков Г.* Облик современной молодежи, 2) *Корнилов К. Н.* Пролетарский ребенок, 3) *Рыбников Н. А.* Идеалы современной учащейся молодежи, 4) *Смирнов В. Е.* Фабричный подросток, *Сегалов Т. Е.* Приютское одичание, *Балжовец*. Из дневника подростка.

Трудовой метод в обществоведении, сборник статей под редакцией. Гуманитарно-Педагогического Института.

Проф. А. Васютинский, Хрестоматия по истории революционных движений, т. I: Великая французская революция.

Кроме указанного перечня Издательством готовится ряд серий по отдельным отраслям научного знания, педагогики, искусства и литературы.

При Издательстве организуется центральный оптово-розничный книжный склад и магазин с широко поставленной иногородней экспедицией, берущий на себя также комплектование и систематическое пополнение библиотек и выдачу всякого рода справок по всем вопросам книжного рынка и библиотечного дела.

Цены на книги назначаются в золотых рублях и при расчетах переводятся в денежные знаки по курсу Наркомфина существующему в день получения заказа.

Цены на книги, по мере их выхода, публикуются в „Бюллетене“ Издательства.

Бюллетень высылается по требованию бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на первую тройную (январь—март) книгу журнала
литературы, искусства, критики и библиографии

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. В. Луначарского, Н. Д. Мещерякова, М. Н. Покровского, В. П. Поленковского, И. И. Степанова-Скворцова.

СОДЕРЖАНИЕ:

Статьи и обзоры: В. ВЕРЕСАЕВ. Что нужно для того чтобы быть писателем. Ив. КУБИКОВ. В. Г. Короленко. М. ПАВЛОВИЧ. Белые и красные. Вяч. ПОЛОНСКИЙ. Русский обыватель в эпоху революции. М. Н. ПОКРОВСКИЙ. О мемуарах Витте.. М. РЕЙСНЕР. Интеллигенция, как предмет изучения. П. Ф. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ. Освальд Шпенглер и крушение истины. Б. АРВАТОВ. На путях к пролетарскому творчеству. СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ. Воспоминания о Блоке. Анри ГИЛЬБО. Современное движение французской литературы. А. А. СИДОРОВ. Очерки по истории русской иллюстрации. В. Я. АЛЯРЮКОВ. Русские граверы. А. П. Остроумова-Лебедева. Б. М. ЗАВАДОВСКИЙ. Основные принципы оценки популярной литературы по естествознанию. Г. И. ПОРШНЕВ. Библиография в Сибири за годы революции. В. Д. ВИЛЕНСКИЙ (Сибиряков). Международное Советское право. А. ЮРЬЕВ. Обзор литературы по новой кооперации. Н. БАТУРИН. Органы губэкономсовещаний (обзор). В. А. КОСТИЦИН. Астрономические новости по английским и немецким журналам (обзор). В. А. КОСТИЦИН. Обзор литературы по вопросу о курской магнитной аномалии. Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ. О работе Государственного Издательства. Н. ЯНИЦКИЙ. О Российской Центр. Книжной Палате. Б. ГОРОДЕЦКИЙ. Библиография и краеведение. Отзывы о книгах.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

Книга иллюстрирована рисунками и гравюрами в тексте и цветными гравюрами на вкладных листах.

Объем книги 20—22 печ. листа.

Условия подписки—с доставкой и пересылкой почтой (зак. бандероль).

- 1) Для Сибири, Туркестана, Кавказа и Украины **1 руб. зол.** (100,000 р по январскому курсу).
- 2) Для остальной России **95 коп.** (95,000 р.)
- 3) Для Москвы—**90 коп.** (90,000 р.).

Подписка принимается только до 5 марта. По выходе в свет цена книги будет повышена. Книга поступит в продажу в первых числах марта.

По объявлении Н. К. Ф. нового курса рубля на февраль подписная плата в сов. знаках соответственно изменяется.

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ: в редакцию журнала—Москва, Никитский бульв., дом № 8 („Дом Печати“).

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
От редакции	3
I.	
А. Луначарский. Смена вех интеллигентской общественности . .	5
А. Залкинд. Союз работников умственного труда и культура переходного периода.	10
Проф. М. Рейснер. Идеология или наука	12
II.	
Бор. Пильняк. Три брата—рассказ	16
Мих. Защенко. Искушение	21
Натан Венгров. Фельетон деревни.	22
А. Л. Германия о Достоевском	28
III.	
Акад. А. Ферсман. Между жизнью и наукой	31
А. Тимирязев. Можно ли использовать внутри-атомную энергию?	33
А. С. Научно-музыкальные новости	38
IV.	
А. Калашников. Народное образование и производство	41
П. С. Коган. Российская академия художествен. наук	42
И. Ф. Народное просвещение в Центральной Европе.	44
И. Гроссман-Ращин. Классовая педагогика и учительство	46
Л. Сабанеев. Горы революции в музыке	51
V.	
Проф. А. А. Сидоров. О современных художественных группировках	55
Н. Щекотов. Забытая область древне-русского искусства	59
VI.	
Хроника.	
Народное просвещение в России.	62
Культурная жизнь на Западе	64
Из культурной жизни Востока	70
VII.	
Объявления	75

50.00

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК ПО ВОПРОСАМ
ПРОСВЕЩЕНИЯ, НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ.

Выходит в Москве один раз в неделю в объеме 2—3 печатных листов.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Выявление культурно-исторического содержания переживаемой эпохи. Культурное и просветительное строительство Р. С. Ф. С. Р. Культурная жизнь заграницей. Достижения науки и техники за время войны и революции. Искусство и литература. Библиография и обзор печати. Деятельность Наркомпроса. В Союзе работников просвещения и искусств.

Странички: Научно-Технического Клуба ВЦСПС, Социалистической Академии, Центральной Книжной Палаты, Дома печати в Москве, Дома книги в Петрограде, Центрального Дома просвещения и искусств, Научно-исследовательских Институтов и научных обществ и ассоциаций, Института Труда, Кн-ства „Работник Просвещения“ и т. д.

Адрес редакции: Москва, Леонтьевский пер., д. № 4.

Телефон № 1-27-25.

Секретарь редакции — ежедневно от 12 до 2 час., вторник и пятница от 6 до 8 час.

Редактор — вторник и пятница от 6 до 8 час.

Рукописи не возвращаются.

Редакторы: А. Воронский.
Ф. Кипарисов.

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 331705

300 1/2 -

817

